

Леонид Беррес
Владимир Сергеев

ПОЙМАТЬ БОЛЬШУЮ ВОЛНУ

Леонид Беррес
Владимир Сергеев
Поймать Большую Волну

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56613331
Поймать Большую Волну: Москва; 2019
ISBN 978-5-94161-877-4

Аннотация

Загнанный в угол миллионер Марк Крамер находит пристанище в Индии, затесавшись в группу серфингистов. Всего за четыре дня он полностью меняет мировоззрение и понимает, что жизнь – совсем не то, что ему казалось раньше. Серфингисты оказались не теми, за кого себя выдавали. Иногда нужно стать предателем, чтобы сделать мир лучше. Но кого предал Марк?

Содержание

Пролог	5
Часть первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Леонид Беррес, Владимир Сергеев Поймать Большую Волну

Книга является художественным произведением, описанные события – результат творческого вымысла, и не имеют отношения к реальным людям и фактам. Любые возможные совпадения случайны.

© Леонид Беррес

© Владимир Сергеев

© Александр Андрюхин

Пролог

Иоанн утверждал, что сначала было слово. Чепуха! Сначала была тишина. Остальное возникло позже, как раз из этой космической тишины, где еще ничего масштабно не вертелось, не гудело и не просвистывало в виде убийственного роя камней с огненными хвостами позади. Если бы евангелист оказался посреди океана на парусной доске, он бы согласился, что сначала была тишина, причем такая пронзительная, что ее даже не подавлял нескончаемый шелест волн. Наоборот, своим сонным равномерным бормотанием буруны подчеркивали величие этой бескрайней вселенской тишины.

А может, сначала были волны – невидимые, извечные, убаюкивающие? Именно они провоцировали Творца на долгий и здоровый сон, во время которого все сотворенные им миры превращалось в хаос. И они же, эти волны, способствовали его пробуждению после глухой космической ночи. Каждый раз, продирая глаза и крепко выругавшись (типа, прикорнуть нельзя – все рассыпается без моего всевидящего ока), он заново начинал отделять твердь от воды, зажигать звезды и лепить земли, заполняя их океанами. Вот это ругательство после пробуждения и являлось, вероятно, тем самым словом, которое было вначале. Но речь не об этом. Ведь что получается – если волнам подвластна цикличность, которой не может противостоять даже генеральный архитек-

тор мироздания, то здесь сомнений быть не может – вначале были волны. И еще тишина.

Марк оторвал затылок от виндсерфинговой доски и огляделся по сторонам. Вокруг все та же бескрайняя гладь океана без какого-либо намека на землю – и никаких признаков спасительного судна на горизонте. В какую сторону ни гребь – огребешь только мозоли. Впрочем, ладонями много не наберешь, а парус унесло ветром. Мачта выскочила вместе с шарниром, который, видимо, в суматохе был плохо прикреплен к борду. Зато теперь хитроумные причиндалы для водного экстрима не мешали развалиться всем телом на гладкой поверхности. Ничего не оставалось, как тяжело вздохнуть и, положив голову между мягких ножных петель, опять уткнуться макушкой в опостылевшую и скользкую доску. Впрочем, руки можно вытянуть вдоль тела или раскинуть в разные стороны, положив их на воду. Вот и весь маневр. Невелик выбор для движения. А ведь жизнь заканчивается там, где прекращается движение. Так, кажется, говорил кто-то из великих.

Храбрец подивился философской стройности своих мыслей при столь отчаянном положении. Подобного он не замечал за собой раньше. И это понятно: тогда было некогда. Каждую минуту он находился в движении. А сейчас вынужден прозябать и предаваться бессмысленным раздумьям о смысле бытия.

Говорят, думы о смысле жизни наплывают на человека

незадолго до гибели. Возможно, поэтому для мудрости нет ничего ненавистнее мудрствования.

«Но неужели пришло время гибели? – ужаснулся Марк. – Вот уж, действительно, не знаешь, как повернет судьба. Бежать из Москвы в какую-то глухую дыру на берегу Индийского океана, чтобы бесславно сгинуть в кипящих водах – это просто насмешка судьбы».

Под ложечкой тоскливо засосало. А как же жена, сыновья, дочки? Как они без него? Анюта даже не сумеет собрать активы, разбросанные по всему миру, а собрав – ни за что в них не разберется. Да что активы! Она не сумеет толком вступить в права наследства, тем более что завещание оформлено на дочку бывшей жены. А бывшая жена – баба зубастая и своего без боя не отдаст. Здесь нужно очень круто бить копытами и долбить рогами, чтобы выиграть все эти тягомотные процессы в купленных-перекупленных судах. Но главное, в этом вопросе никому нельзя доверять – ни судьям, ни нотариусам, ни тем более друзьям, предлагающим свою помощь. Анюта такая наивная, такая честная, такая правильная. Она не знает грязных и жестоких законов бизнеса. И слава богу, что не знает! Когда узнает – пошлет всю эту сферу деятельности куда подальше и будет жить на три копейки в месяц. И самое удивительное, что проживет!

«Нет! Сейчас погибнуть никак нельзя! – застонал Марк, зажмурив глаза. – Я просто не имею на это права, не завершив своих дел. Надо что-то придумать...»

Однако, как ни морщи лоб, как ни закусывай нижнюю губу, как ни скрипи мозгами на весь Индийский океан, надеяться можно только на случайное судно. Весь вопрос в том, проходят ли здесь морские пути. Насколько далеко его унесло от берега, он не знал, да и знать не мог.

«Но ведь мне всегда везло! – пришла спасительная мысль. – Хотя были времена, когда не очень...»

Даже когда везло не очень, Марк всегда ощущал теплую и великодушную любовь свыше. И даже видел Его всепрощающую улыбку. А когда Марк поступал, мягко говоря, не очень красиво, то чувствовал, что к нему оттуда относятся снисходительно, как к ребенку, который не ведает, что творит. В целом Марк с рождения знал, что он любимчик, и в глубине души верил, что в любой ситуации всегда выйдет сухим из воды. Но сейчас он мокрый с головы до пят и вокруг вода. Да не просто вода – а целый океан! И возможностей для действий практически нет.

Неожиданно в памяти возникло, что самым известным любимцем богов был древнегреческий герой Ахиллес, который разил мечом всех, кого ни попадя, не ведая, что убивать – это грех. Чужие жизни его не волновали. Его волновали медные трубы. В веках он, конечно, остался, увенчанный славой, но славой какой-то сомнительной, потому что закончил не очень геройски. Малодушно скончался от стрелы, вонзенной в пятку, в которой, собственно, нет жизненно важных органов. Ведь это еще нужно умудриться умереть от

такой пустяковины. Вот тебе и любимец богов.

Диктатор Сулла! Вот кто истинный любимец богов, который даже кличку носил Счастливчик. Кровопийца был редкостный. По сравнению с ним Калигула с Нероном – просто шалуны. И за что его возлюбили боги? Кстати, закончил тоже бесславно – то ли умер от рака, то ли сгнил заживо. Плутархом его кончина описана как-то не очень внятно. Хотя откуда о ней мог знать Плутарх, который жил столетием позже? Нет! С Суллой тоже неудачный пример.

«Но ведь я не кровопийца! И я не убивал людей ради жалкого тщеславия! – воскликнул про себя Марк. – А значит, Господь не допустит, чтобы я закончил так глупо. Это теоретически. А на практике – пути Господни неисповедимы».

Наш философ снова открыл глаза и увидел, что на небе откуда-то взялись облака, хотя минуту назад океанская высь была абсолютно ясной. Одно облако было похоже на голову лошади. Даже в районе глаза имелся небольшой просвет. Хотя нет! Для лошади голова маловата. Скорее, это осел. Было бы неплохо подтянуть к ослу туловище из соседнего облака, а из перистого отростка, напоминающего перевернутую латинскую букву «V», сделать ноги. Хотя кому это надо, делать ослу ноги? Вот если бы взять и перенестись на парусной доске на облако и с него увидеть берег или корабль, чтобы знать, в какую сторону грести...

«Стоп! – поморщился Марк. – Опять меня тянет на небеса. Это очень плохой признак. Тем более на доске на облако

не перенесешь. Проще научиться ходить по воде...»

Марк вторично удивился наивной несерьезности своих мыслей. Что это? Впал в детство? Говорят, перед смертью тоже подобное наблюдается. «Я еще поживу! – воскликнул про себя Марк. – Мне повезет, как всегда! Ведь выжил же я во время налета цунами!»

После этого почему-то стало спокойно. Снова зароились мысли о жутких тайнах и прочей космической дребедени. Такие мысли никогда не появлялись раньше. Хотя нет! Появлялись в израильской тюрьме Рамон, когда он сидел в камере-одиночке и практически умирал. Но ведь не умер же!

Наблюдая за облаками, серфингист не заметил, как задремал. Его усыпили волны, равномерно накатывающие на доску. И еще великая тишина океана. И вдруг среди этой тишины Марк совершенно отчетливо услышал сиплый голос учителя:

– Ты все-таки поймал большую волну!

– Что? – дернулся Марк и стал недоуменно крутить головой по сторонам, уверенный, что сейчас увидит старика, стоящего на волнах. Но вокруг по-прежнему были бескрайние просторы соленой воды и ничего похожего на человеческий силуэт. Кто это произнес? Неужели начались слуховые галлюцинации?

«Выходит, это цунами и было моей большой волной? – удивился Марк, поднявшись на локте. – И ради этого люди жертвуют жизнями и отправляются на эшафоты? Нет-нет, не

может быть! Это какая-то насмешка судьбы...»

Часть первая

Учитель серфинга

1

Когда Марк Крамер услышал в новостях, что отца русской мафии Станислава Разина по кличке Стенька завалили на выходе из ресторана, то едва устоял на ногах. В лицо будто ударила налетевшая рдяная струя, а затем рассыпалась на тысячи колючих капель. «Похоже, грядет новый передел», – тревожно пронеслось в голове.

Новость ничего хорошего не сулила. Криминальный передел – это новая нестабильность в бизнесе, причем не только в подпольном, но и легальном. Хотя полноценного легального бизнеса в России как не было, так и нет. Такой роскоши по причине особенности национального налогообложения не может себе позволить ни одно предприятие даже с самой прозрачной бухгалтерией. Впрочем, прозрачная бухгалтерия – для налоговиков такой же миф, как царство справедливости для воров в законе. В России у бухгалтерии такие же двойные стандарты, как у демократии на Западе. Поэтому хочешь не хочешь, а бизнес в стране выстроен исключительно по двойным стандартам, даже государствен-

ный. Иными словами, он наполовину криминальный. И это, кстати, ни для кого не является секретом, даже для налоговиков. А где криминал, там и криминальные структуры, с которыми не справляются правоохранительные органы. Поэтому властям приходится пользоваться услугами смотрителей из воровской среды. Выписанный из Америки советский эмигрант Станислав Разин, обложивший данью своих соотечественников на той стороне океана, был идеальным смотрителем в России.

Марк набрал номер нужного человека из столичной администрации и поинтересовался, не собирается ли правительство Москвы выставить на продажу свою долю активов Дорогомиловского рынка.

– Вроде нет, – недоуменно ответили с другого конца. – А с какой целью интересуетесь, Марк Генрихович?

– Как совладелец хочу быть в курсе, – ответил бизнесмен и прервал связь.

Тревога возросла. Ведь буквально на днях у Марка была встреча со Стенькой в том самом ресторане «Старая мельница», на выходе из которого его и достал неведомый киллер. Глава мафии напрашивался в партнеры по строительству гигантского торгового центра в Санкт-Петербурге и интересовался личными активами инвестора. Так и спросил без всяких дежурных любезностей, не желает ли он взять его в соучредители будущего гипермаркета в городе на Неве?

– К сожалению, соучредителей утверждаю не я, а петер-

бургское правительство, – ответил Марк.

Тогда Стенька спросил, не намерен ли он продать акции Дорогомиловского рынка в связи с тем, что берется за строительство торгового гиганта в Северной столице.

– Нет! – отрицательно затряс головой Марк. – У меня хватает средств. Так что в продаже Дорогомиловского рынка необходимости нет.

Стенька смерил Марка не очень дружелюбным взглядом. Собеседник почувствовал, что два отказа подряд ударили по самолюбию авторитета. Тот скривил рот и с нажимом произнес:

– А не жирно тебе в период кризиса иметь три рынка?

– Да где же три? – обаятельно рассмеялся Марк. – Свою долю в Щелково я сбавил, и Тишинского рынка давно у меня нет. Его я продал, чтобы собрать средства на реконструкцию Дорогомиловки. Так что рынок у меня один. А торгового центра в Питере я еще не имею.

Взгляд Стеньки стал еще более жестким.

– А когда заимеешь, продашь мне контрольный пакет Дорогомиловки?

– Да сдался тебе этот Дорогомиловский рынок? – нервно заерзал на стуле гость. – Думаешь, я гребу с него деньги лопатой? Ты обратись в московское правительство, если тебе так приспичило! Я слышал, они собираются продавать свою долю рынка.

Это было ложью. Ничего подобного Марк не слышал.

Просто надо было отвести удар от своей кровной собственности. Стенька чутко уловил, что собеседник не вполне искренен. Словом, расстались с ним не очень дружелюбно. Что делать? Если занимаешься бизнесом, без криминальных авторитетов никак нельзя.

Напоследок вор бросил Крамеру в спину, чтобы тот оповестил, если на него наедет Мариот. Эти слова очень неприятно царапнули Марка. С чего на него должен наехать этот грузинский мафиози, чудом сбежавший от европейского правосудия и осевший в Москве, точнее, засевший здесь, как гвоздь в ботинке. Строительство не его сфера контроля. До недавнего времени архаровцы Мариота никого не беспокоили. Они тихо-мирно «крышевали» игорные заведения, но казино неожиданно начали закрывать по решению властей, и грузинские воры остались не у дел.

С тех пор Мариот оспаривает свое лидерство в воровской среде. В мае 2008 года два слона российской мафии, Стенька и дед Мазай, провели воровскую сходку, где обсудили вопросы по контролю денежных потоков, которые власти намерены выделить из федеральной казны на Олимпиаду-2014 в Сочи.

Два месяца спустя Мариот по тому же вопросу собрал воров в законе в закрытом охотхозяйстве в Завидово Тверской области. Стенька с дедом Мазаем сходку демонстративно проигнорировали. Зато в лесничие угодия нагрянули правоохранители и задержали пятьдесят криминальных автори-

тетов, среди которых оказалось тридцать девять грузинских воров.

Кто навел туда полицейских, так и не вычислили. Воры на Мариота разозлились: типа, плохо организовал сходку. И в ноябре того же года был застрелен московский ресторатор Гела Церцвадзе, отвечавший за бизнес главы грузинской мафии. Через полгода был расстрелян деловой партнер деда Мазая Скиф и убит Корсак.

Вот теперь добрались и до Стеньки. «По всей видимости, грузинская мафия пошла ва-банк», – брезгливо поморщился Марк и сильно затряс головой, чтобы вытряхнуть из себя всю эту кровавую эпопею. Когда предприниматели в конце концов будут свободны от этих грязных криминальных разборок, которые теоретически не должны их касаться? Однако касаются. И еще как! Зачастую весь средний и даже крупный бизнес зависит от того, какой вор сидит смотрящим в регионе. Поэтому бизнесмены следят за бандитскими переделами так же внимательно, как мировые политики за перестановками во властных структурах.

Тягостная тревога Марка не оказалась пустой. Через пару недель позвонил информатор по кличке Слон и сообщил: на воровской сходке пришли к выводу, что убийство Стеньки заказал Марк Крамер.

– Они с ума посходили! – не поверил ушам Марк. – Зачем мне нужно его убивать?

– Из-за разногласий по Дорогомилловскому рынку, – пояс-

нил по телефону Слон. – На сходке говорили, что у тебя из-за Дорогомиловки произошел со Стенькой конфликт.

– Никакого конфликта не произошло! – покрылся холодным потом Марк. – Наш разговор проходил на глазах у его телохранителей.

– Вот они-то и утверждают, что ты мог заказать его из опасения, что он влезет в твой бизнес. А ведь он собирался влезть?

– Бред! Я докажу, что у меня не было никаких причин устранять Стеньку! И потом, охранники не могут быть свидетелями. Они не слышали наш разговор. Они стояли у дверей.

– Но есть еще один человек, который подтверждает, что ты точил зуб на Стеньку. И это очень серьезный свидетель.

– Неужели Давид? – опешил Крамер. – Столько лет прошло, а он все никак не может забыть обиду... Что воры решились?

– Взять с тебя откупную за смерть Стеньки. Тридцать миллионов долларов.

– Черт! – хлопнул себя по лбу Марк. – Почему с меня? Почему никто не видит очевидного? Брать нужно с Мариота... Хотя с него взять нечего... Вот почему решили взять с меня. В общем так, Слон! Я ничего не слышал, и ты со мной не разговаривал. Спасибо за информацию!

Марк поспешно прервал связь и ринулся к сейфу. Нужно срочно исчезнуть. Исчезнуть, пока воры не появились

с «предьявой». Когда они появятся, исчезать будет поздно. Самое неприятное, что откупные не гарантируют никакой безопасности.

«Но куда слиться сейчас? – задумался Марк, механически укладывая в портфель пачки с деньгами. – Во Франции достанут, в Израиле тоже. До Лондона им дотянуться сложнее, но там газеты напишут, что в Британию прибыл известный банковский аферист, отсидевший в Израиле пять лет за шпионаж в пользу России...»

Тогда-то и пришла идея улететь в Индию и схорониться в маленькой деревушке на берегу Индийского океана, затесавшись в компанию каких-нибудь серфингистов. Кажется, про такой поселок на берегу восточного побережья взахлеб рассказывала баскетболистка Ника. «Как же он называется? – поморщился Марк, захлопнув портфель. – Забыл! Ничего, по пути вспомню. Где-где, а среди сумасшедших, спящих на волнах, искать меня точно никому не взбрет в голову. С месяц придется поскучать. Но за это время следствие выйдет на настоящего убийцу Стеньки».

2

Марк Крамер не очень любил Индию. Культура там, конечно, великая – с этим не поспоришь, и храмы чрезвычайно грандиозные, каких больше не отыщешь в мире. Еще там очень яркие краски, экзотические пейзажи, запах благово-

ний. По пальмам мечутся очень наглые обезьяны, которые только и ждут момента, чтобы вырвать что-то из рук.

По улицам бродят коровы в сопровождении роя чудовищных мух, кусающих до крови. Но также там много улыбочивых красивых девушек в цветных сари, чьи фигуры не могут не волновать европейских мужчин. Вообще, люди в Индии чрезвычайно доброжелательные и как-то не по-западному сердечные. Каждый второй протягивает не очень чистую руку и что-то просит на своем языке. Упаси боже дать монету – тут же окружают босоногие мальчишки и начнут грязными пальцами дергать за полы рубашки.

Но если на это не обращать внимания, то можно ощутить, что в этой волшебной стране все дышит историей, древностью и много чем еще. В частности, там с неменьшим успехом дышится эксклюзивными ароматами нечистот. Стойкий запах неизвестно чьих испражнений на раскаленных, будто сковородки, улицах – самое первейшее, с чем ассоциируется Индия.

Тут уже ничего не попишешь. Всем известно, что антисанитария в этой стране жуткая, причем везде, даже в самых культурных центрах страны. Улицы напоминают сплошную помойку, где нечистоты днем и ночью текут по обочинам тротуаров. Вонь, жара, заливающий глаза пот. Вечно прилипшая к спине рубашка, вечно мокрые от пота брюки, вечно застревающие в карманах руки и вечно падающий на грязную мостовую бумажник, на который, как пчелы на мед, на-

брасываются грязные дети, чтобы со щербатой улыбкой подать господину.

Все бы ничего, но Марк обожает ходить в белоснежной рубашке, а не в выгоревшей потасканной футболке. И к шортам он относится без восторга. Еще Марк любит изысканные французские костюмы, итальянские галстуки и немецкие туфли. Но в чем, в чем, а в туфлях в Индии не походишь. Через минуту они превращаются в колодки, а на пальцах образуются кровавые мозоли.

Все эти уличные представления на жаре с факирами и заклинателями змей среди раздавленных фруктов и коровьих лепешек также не вызывают восторгов. Хочется в прохладу, в глубокое кресло, в мягкий белый халат, и чтобы в холодильнике стояло холодное шампанское.

Но даже в самых шикарнейших индийских отелях с навороженными кондиционерами нет-нет да и пахнет откуда-то уличными экскрементами, запах которых ощущается повсюду, и для индийцев он естественен.

А что за кухня в Индии! Боже мой! Рис и несметное количество приправ. Что-либо мясное в такой жаре Марк есть опасается – сразу несварение желудка и боли в нижней части живота. Внутри тут же заводятся паразиты, от которых спасение только одно – джин, и его нужно пить целыми стаканами, причем с самого утра.

Однако в Индии, как нигде, можно действительно затеряться, если, конечно, забыть о заселении в пятизвездоч-

ный отель. Из виповской гостиницы сведения о постояльце в тот же день улетят Москву. Но маленькая деревушка, где не только нет отелей, но и большие сложности с мобильной связью – то, что надо.

Крамер затерялся сразу по выходу из аэропорта. Чтобы окончательно запутать следы, он добирался до деревушки под названием Тёнге на трех попутных автомобилях, игнорируя комфортабельные такси.

Когда Марк прибыл на место, уже вечерело. Деревушка казалась бедной, однако чистой и на редкость зеленой. Одни дома были глиняные, другие бамбуковые, некоторые чуть ли не из картона. Но все под соломенной крышей и почему-то выкрашены в желтый цвет. «Так вот почему деревня называется Тёнге, – озарило гостя. – На тамильском языке буквально значит «золото». Но такое золото (охра, разбавленная хной) навело на Марка тоску. «Не зря же желтый цвет у европейцев считается символом психического нездоровья, – подумал московский гость. – Хотя Сальвадор Дали и Кандинский воспели этот цвет в своей живописи. Впрочем, что с них взять? Оба известные психи. А вот Петров-Водкин... Он воспел красный цвет, а это – признак жизнелюбия. И крюмочке художник был не дурак приложиться, если судить по фамилии».

По улицам деревушки ходили коровы, как и везде в Индии, и оставляли посреди дороги громадные лепешки. Впрочем, коровьи кизяки были везде, у каждого дома, в основном

сложенные аккуратной кучкой. Какая-то молодая женщина собирала коровьи лепешки, прессовала их голыми руками, а затем развешивала сушиться на стене своего глиняного жилища.

Марк приблизился к ней и спросил по-английски, есть ли в деревне гостиница. Женщина английского не знала, но одарила незнакомца весьма теплым взглядом и, судя по всему, поняла, о чем спрашивает иностранец. Она показала рукой, приговаривая на своем журчащем языке, что нужно идти прямо по улице, а затем повернуть направо, к океану.

В эту минуту откуда ни возьмись появились чумазые пацаны и начали со смехом тыкать грязными пальцами в белоснежную рубашку Марка. Пришлось дать им по доллару, чтобы отвязались. Не поверив своему счастью, мальчишки исчезли так же стремительно, как и появились.

Крамер пошел вдоль домов, которые точнее называть лачугами, и настроение его портилось все больше. Не похоже, чтобы здесь была гостиница. Когда улица закончилась и натоптанная дорога повернула направо, взору открылся океан. Сразу дохнуло свежестью, влагой и долгожданной прохладой. Вдалеке виднелась роща, и вдоль нее стояла шеренга жиденьких домиков на сваях. Под домами лежали серфинговые доски и паруса.

Неподалеку по щиколотку в воде бродили европейцы в футболках и шортах, судя по всему туристы. Марк бодрым шагом направился к ним. От внимания непрощеного гостя

не ускользнуло, что люди на берегу замерли при виде незнакомца, а некоторые даже вышли из воды.

Крамер приблизился к спортсменам, удивляясь их повышенному вниманию к своей персоне. Впрочем, на особое изумление сил уже не было, поскольку Марк, измотанный беспощадным зноем, практически валился с ног. Однако он отметил, что в этой милой компании серфингистов, состоящей в основном из молодых мужчин, находились две привлекательные женщины. Одна очень стройная, загорелая, с белозубой улыбкой, европейка, другая совсем юная, с изящным станом и осиной талией, похожая на латиноамериканку. Более детально рассмотреть не удалось, поскольку Марк стоял против солнца. Вот у этой юной девушки, от которой трудно отвести глаза, Крамер и спросил по-английски, есть ли здесь гостиница. В ответ раздался веселый смех всей компании.

– Если хотите снять комнату, то вон тот крайний домик свободный, – с детской улыбкой ответила латиноамериканка. – Заселяйтесь! Доллар в сутки!

Сплетенный из тростника и бамбука домик больше напоминал шалаш. Он стоял на тонких столбах, имел качающуюся лестницу и тонкую, почти прозрачную плетеную дверь.

Без лишних слов Марк направился в жилище, продолжая спиной чувствовать пристальные взгляды странной компании. «Что они на меня так уставились? – неприязненно чиркнуло в мозгу. – Приличных людей давно не видели, что ли?»

Лестница была очень жидкой и так трепетала, что казалось, еще шаг – и она рухнет.

Однако в домике было чисто и прохладно. Толстая циновка на полу, деревянный столик у окна, два табурета и какое-то подобие шкафа из фанеры в углу. Марк поставил портфель на стол, прилег на циновку и моментально заснул.

3

Как ни странно, Крамер давно так хорошо не спал, как в этом шалашике на циновке в пятидесяти шагах от океана. Обычно ночью он просыпался по десять раз, а потом долго не мог заснуть из-за беспокойных дум, а тут – словно провалился в бездну без всяких мыслей и тревожных снов. Точнее сказать, ему вообще ничего не снилось.

Марк поднялся и вышел наружу. Было раннее утро, мягко шелестели океанские волны, на берегу ни единого человека. Тело хорошо отдохнуло, и на душе было как-то невероятно легко. Со стороны деревни показались три фигуры молодых женщин, которые несли на головах корзины. Они приблизились к туристу, и одна из них с улыбкой спросила на ломаном английском, как господину отдыхалось в этом скромном незатейливом домике.

– Так вы хозяйка? – обрадовался Марк, услышав английскую речь. – Прекрасно отдыхалось. Сейчас я заплачу!

В кармане шорт оказалось около восьмидесяти долларов

мятыми купюрами – сдача, которую сдал последний водитель со ста долларов. Марк выгреб мятые купюры из карманов и протянул женщине. Та сделала большие глаза и отшатнулась.

– Это очень много, мистер! Домик стоит один доллар в сутки. В оплату включен завтрак, обед и ужин...

– А я приехал сюда не на сутки, – ответил Марк, насильно вкладывая деньги женщине в руку. – И пожалуйста, со мной не спорить!

Женщины опустили корзины на песок, и Марк увидел в них лепешки, рис и несколько кастрюлек с дымящимся мясом и рыбой. Все это выглядело аппетитно, тем более что Марк последний раз ел только вчера в самолете.

В одной из корзин оказалась минеральная вода в бутылках и в двухлитровых баллонах. В другой, кроме воды, была еще бутылка джина. Хозяйка предостерегла, чтобы он полоскал рот только минеральной водой из баллона, а пил из только что откупоренной стеклянной бутылки. Если вода постоит в открытом виде хотя бы час, ее следует обеззаразить джином или виски.

Пользоваться для умывания ручьем, который протекает в роще, женщина категорично запретила.

– Вообще, если захотите принять горячий душ или ванную – это в деревне, третий дом с верандой. Там же можете взять и машину, если захотите съездить в город в ресторан. Еще я вам советую отдать мне на хранение паспорт, мобиль-

ный телефон и ценные вещи.

– Зачем? – спросил Марк, хотя вопрос был излишним – достаточно было посмотреть на хлипкую плетеную дверь без запора.

Марк подумал, что все не так плохо, и тут же откупорив бутылку шипучей воды, опустошил ее одним махом. Потом принялся за лепешку, разделался с тарелкой риса. Это был тот случай, когда аппетит пришел во время еды и не ушел после нее. Следом было умято содержимое глиняного горшочка с курицей и проглочен кусок запеченной рыбы. И все это в охотку, с удовольствием, с гортанным урчанием и даже с облизыванием пальцев.

В это время на берегу появились другие женщины с корзинами на головах, а из домиков начали выходить заспанные туристы. Марк насчитал одиннадцать человек, отметив среди них и вчерашних женщин. Сегодня при утреннем солнце над головой их можно было разглядеть более детально. Латиноамериканке на вид можно было дать все двадцать пять лет. И почему вчера она показалась Марку почти ребенком? Видимо, от усталости, да еще в глазах двоилось от жары. Вторая выглядела лет на тридцать пять – стройная, гибкая, немного смуглая, отчего ее белозубая улыбка словно ослепляла. Кроме того, Крамер отметил, что возраст компании колебался от двадцати до сорока лет. Получается, что он здесь самый старший.

Большая часть серфингистов сразу бросилась в океан, а

другая принялась чистить зубы и умываться минеральной водой из баллонов, которые принесли деревенские женщины.

После купания к Марку подошла европейка, которая действительно оказалась итальянкой, и, назвавшись Агнесой, спросила, откуда новенький узнал про учителя Дебдана?

– Учителя? – удивился Марк. – Но я прибыл сюда не учиться, а кататься на волнах.

Женщина заразительно рассмеялась, сочтя ответ незнакомца за остроумие, и осведомила, что, если у вновь прибывшего нет парусной доски, он может взять общую, которая лежит под его домиком. Группа в это время завтракала на песке, и на жующих туристов с умилением смотрели местные женщины, которые доставили еду.

– Вы зовете учителем того, кто обучает серфингу? – удивился Марк. – По-русски это называется тренер.

– Нет! – покачала головой Агнеса. – Я знаю, что такое тренер. Но светлейший Дебдан не тренер! Он учитель!

Пришло время рассмеяться Марку. Он отметил, что эта женщина слишком хороша, чтобы спорить с ней на филологические темы. Поэтому никак не объяснил свой смех.

«Светлейший Дебдан? Обучает серфингу? Умереть – не встать! Похоже, я попал в секту, – подумал наш герой. – Кстати, Дебдан переводится как «Подарок Бога». Любопытно будет взглянуть на этот подарочек. А Агнеса означает «целомудренная». Интересно будет проверить».

После завтрака на песке все поднялись и начали деловито разбирать свои доски. Затем народ организованной толпой направился в сторону рощи. К процессии присоединился и Марк с бордом, который он по совету Агнесы извлек из-под своего бамбукового шалаша.

По пути Крамер услышал довольно любопытный диалог между китайцем, которого звали Вейс, и шведом по имени Бенгт.

– Взгляни, Бенгт! Я нашел его на отмели, – похвалился Вейс, показав собеседнику небольшой камушек. – Потрогай и убедись, какой он приятный на ощупь. Когда камень в ладони, на душе такой покой, что я начинаю видеть вселенную и понимать всю ее мудрость, – голос китайца сделался мечтательным. – Мне этот камень принесла волна.

Швед взял двумя пальцами находку китайца, повертел в руках и без энтузиазма возвратил обратно.

– Я бы на твоём месте закинул камень в океан, – поморщившись, произнес Бенгт. – Учитель говорил, сколько волна приносит, столько же и забирает обратно. Но иногда забирает не то, что приносит. А человеку оставляет ровно столько, сколько ему нужно. Иметь больше человеку незачем. Наверняка ты схватил камень после первого наката волны. А нужно было подождать отката. Вдруг волна забрала бы его обратно.

– Но я чувствую себя разумнее, когда держу в руках этот камень, – мягко возразил китаец.

– Зачем это тебе? – ответил швед. – Твое имя, Вейс, и без того означает «большой мудрец».

На этих словах Марк чуть не расхохотался, подумав, что Бенгт так тонко шутит. Однако, взглянув на него, не заметил даже подобия сарказма. Он был серьезней, чем барсук. Вообще эта пара выглядела слегка карикатурно. Швед здоровый, тучный, серьезный, с утиной степенной походкой, а китаец маленький, щупленький, улыбчивый, поминутно заглядывающий в глаза своему другу. Они вместе – точь-в-точь как Винни Пух с Пятачком из советского мультика.

Сразу в голове защелкали молоточки: а что, интересно, означает имя шведа? Так, минуточку, сейчас вспомню... Кажется... Вспомнил! Бенгт означает «благословенный»!

Китаец насупился, помрачнел, затем размахнулся и закинул камень в океан. Это очень удивило Марка. «Точно, какая-то секта!» – решил он.

Когда вошли в рощу, все сели в круг на небольшую полянку, положив перед собой доски. Получилось нечто вроде лепестков ромашки с сидящими серфингистами на концах. Сел в общий круг и Марк.

– Пока нет учителя, давайте привлечем большую волну! – произнес Бенгт, который, судя по всему, был за главного.

Компания принялась ритмично шлепать ладонями по своим доскам, время от времени запрокидывая головы назад и поднося ладони к лицу, словно обнюхивая. Затем все начали складывать руки на груди и на выдохе отчаянно выбрасывать

их вверх.

Марк с удивлением наблюдал за ними, вертя головой и не зная, как на это реагировать. Попахивало всеобщим сумасшествием. Но в какой-то миг все прекратилось.

– Учитель идет! – воскликнула Агнеса.

Марк повернул голову и увидел пожилого мужчину в просторной белой одежде, который легко шел вдоль берега к своим ученикам.

4

Когда незнакомец в белом приблизился, Марка словно прострелило. Ему показалось, что он знал этого старика всю жизнь. Боже, какое родное лицо – ясные зеленые глаза, вьющаяся библейская бородка, седая благородная шевелюра...

Да это же дедушка Даниил! Точнее, его копия. На сердце как-то очень по-детски потеплело.

«Ах, дедушка-дедушка, – сладко запело внутри, – как тебе живется там, на небесах? Я хорошо помню все твои заповеди. И я им следую...»

На самом деле Марк никогда не видел дедушку живым, поскольку родился через семь лет после его смерти. Он знал дедушку Даниила только по фотографиям и по рассказам мамы. Но когда мама пересказывала его мудрые изречения, маленькому Марку казалось, что это говорит сам дедушка своим добрым, мягким и немного сипловатым голосом.

– Если хочешь быть удачливым и богатым, всем улыбайся! – говорила мама от лица дедушки. – Всем без исключения! Даже последним мерзавцам. Помни, что твое благополучие зависит от людей.

– И даже от мерзавцев? – удивлялся мальчик.

– И от мерзавцев особенно!

Старый мудрый еврей Даниил знал, что говорил. Он владел большим магазином в маленьком литовском городке Рамигале, где жила семья Крамер, и все благополучие семьи зависело от количества покупателей маркета. Именно поэтому дедушка Даниил одаривал обаятельной улыбкой каждого покупателя и всех, буквально всех знал по именам. Понятно, что среди них было немало мерзавцев, но за хлеб, масло и ветчину они платили такие же деньги, что и праведники. И даже наоборот, сукины дети чаще оставляли на чай.

– Помни, – с улыбкой добавляла мама, приглаживая непослушные вихры единственного сына, – самые нищие люди – угрюмые завистливые молчуны, которые ненавидят людей, потому что видят в них причину своих неудач.

Но это там, в далеком и неправдоподобном детстве. А в данный момент вполне уже зрелый и даже перезрелый герой нашего романа смотрел на учителя Дебдана во все глаза и не мог отвести взгляд. В какой-то момент их глаза встретились, и Марку показалось, что старик тоже его узнал, поскольку задержал на нем весьма заинтересованный взгляд. Учитель улыбнулся и спросил по-английски мягким и немного сип-

лым голосом:

– У нас новенький? Как вас зовут?

Вновь прибывший турист не сразу ответил, поскольку подавлял в себе клокотание. Потому что это был тот самый голос дедушки Даниила, который он улавливал в своем воображении в детстве.

– Меня зовут Марком, – ответил новенький.

– Вот и прекрасно, – резюмировал старик и, оглядев компанию, добавил: – Теперь вас полный комплект.

Что означало «полный комплект», Марк не понял. Но остальные со знанием дела закивали.

– Теперь мы можем открыть сферу, учитель? – спросила Агнеса.

– Теперь можем, – ответил учитель. – Но не спешите.

«Это еще что за чертовщина?» – подумал Марк, но решил пока не лезть с расспросами, а понаблюдать за психами со стороны.

Учитель Дебдан встал в круг, внимательно обвел всех взглядом и произнес:

– В прошлый раз мы пришли к выводу, что люди делятся на две категории – те, которых несет волна, и те, которые ей сопротивляются. Вернее, пытаются сопротивляться.

Старик сделал паузу и снова обвел глазами присутствующих. Затем его взгляд остановился на новеньком.

– По глазам вижу, что согласны не все.

– Я не согласен! – покачал головой Крамер. – Существуют

и те, которые управляют волной.

Все повернули головы на несогласного и впились глазами довольно сердито. Лишь учитель снисходительно улыбнулся, как взрослый улыбается неразумному ребенку.

– Даже Бог не в силах управлять волнами, что уж говорить про человека, которого он создал по образу и подобию Своему, – произнес учитель.

– Почему не может? – возразил Марк. – Он же Бог!

– Потому что его существование также подвержено волновой цикличности, как и наше. Он может творить миры, но не может изменить дыхание вечности. Иначе космический день не сменялся бы ночью.

Марк сузил глаза и задумался. «Все ясно, – подумал он. – Это секта брахманистов. Что называется, попал!»

– Но откуда вы знаете, что Богу не подвластно изменять цикличность? – заупрямился Марк.

– Да потому что и мы не можем изменить чередование дня и ночи, – с раздражением воскликнул Бенгт. – А мы созданы по образу и подобию Божьему!

Все согласно закивали, а старик мягко продолжил:

– Да, действительно, чтобы понять, что вселенной управляют волны, совсем не обязательно лететь в космос. Достаточно приглядеться к течению нашей жизни. И тут нельзя не заметить, что течение нашего земного пути далеко не ровное. Оно подобно приливу и отливу.

Все сложили на груди ладони, запрокинули головы и за-

крыли глаза. Закрыв глаза и Марк. «Никаких отливов и приливов у меня не было, – неприязненно подумал Марк. – Были только удачи...»

Да, детство у Марка было счастливое, как и у всех советских детей, за что детвора периодически благодарила любимую партию на школьных линейках. Но тут вдруг припомнились больничные палаты, злые медсестры, болезненные уколы, капельницы, горькие слезы мамы и отвратительный запах пригорелой каши.

А ведь точно, раннее детство Марка прошло в лечении. По рассказам мамы, он родился очень слабым. И родители, и врачи ожидали, что мальчик умрет со дня на день: у Марка было больное сердце. Но беготня родителей по больницам не прошла даром. Мальчик окреп, повеселел. Врачи сказали, что его жизнь зависит от движения. Неподвижный образ жизни для него смертелен.

«Так вот почему у меня с раннего детства были велосипеды, самокаты, коньки, лыжи, – сообразил он. – Кроме того, я каждый день бегал по утрам и два раза в неделю посещал бассейн. Как же я мог забыть? – удивился новоявленный серфингист. – Хотя, наверное, правильно, что время стирает из памяти неприятное».

Пожалуй, это действительно можно назвать отливом. А потом начался прилив. Ведь Крамер был в школе круглым отличником. Его любили друзья, которых у него было много. Лучший дворовый приятель – цыган Шундик, который на-

учил Марка виртуозно играть в карты и всяким другим фокусам. С ним мальчик разговаривал на польском языке, поскольку тот больше не знал никакого. А Марк, между прочим, кроме литовского, еврейского и русского, прекрасно разговаривал на английском и немецком, которые преподавали в школе. Ни у кого из сверстников не было таких способностей к запоминанию языков, как у этого подвижного паренька. Но потом стало происходить что-то нехорошее. Ведь не зря же мама говорила, что нищета – порок. И этому пороку подвержены насупленные завистливые молчуны, которые ненавидят людей. Но к чему это было сказано? Ах да!

В школе, где учился Марк, было много угрюмых учеников, которые перебивались с тройки на двойку. Свои неудачи в учебе они компенсировали раздачей подзатыльников младшеклассникам на переменах. В основном это были литовцы из бедных семей, перебравшиеся в городок Рамигалу из далеких глухих хуторов. Причем Марк замечал, что чем беднее семья, тем более злобные в ней росли дети, которые с совершенно взрослой классовой ненавистью не терпели отличников.

Класс, разумеется, в школе был интернациональным. Но злобу любимец девочек Марк Крамер ощущал только от местных гопников, одинаково презирающих литовцев, евреев, поляков, белорусов и русских.

Частенько после уроков злыдни забивали кого-нибудь на крыльце школы, а выходящие из здания преподаватели про-

ходили мимо, отворачивая головы. Лучшим школьным другом Марка был татарин Шавкет Зиятдинов, который кулаком мог пробить стену, поэтому умника Марка Крамера до пятого класса не трогали.

Но в пятом классе начался кошмар. «А ведь действительно, пришел отлив! – озарило Марка. – Ведь именно после этого мое счастливое детство и закончилось».

Мужчина открыл глаза. На него с мудрой улыбкой поглядывал учитель Дебдан. Все остальные продолжали сидеть с закрытыми глазами.

Да-да, это произошло в пятом классе. Однажды мальчик вбежал в кабинет за минуту до начала урока и хотел незаметно проскользнуть к своей парте, но классная руководительница, которая в это время уже находилась в аудитории, с каменным лицом приказала встать у доски перед всеми ребятами.

Марк удивился. Ведь звонка еще не было, а значит, теоретически он не опоздал. Но класс почему-то уже в полном составе сидел за партами.

Встав перед одноклассниками, мальчик заметил, что те смотрят на него осуждающе, как на врага народа. А Шавкет почему-то угрюмо отводит глаза. Учительница неожиданно созвала внеочередной совет отряда. Затем строгим голосом произнесла, что сейчас Марк Крамер будет исключен из пионеров.

– За что? – изумленно воскликнул мальчик.

Преподавательница не удосужилась повернуть голову и тем же ледяным тоном продолжила, обращаясь к классу:

– Родители Крамера предали нашу Родину. Они подали заявление на выезд в Израиль. Никто им разрешения на выезд, разумеется, не даст. Но Крамер больше не достоин быть пионером. Конакова, сними с него пионерский галстук!

Рита Конакова, возглавлявшая совет отряда, с готовностью поднялась с места, с суровым лицом приблизилась к отщепенцу и вцепилась в его воротничок. Марк почувствовал, как она, развязывая галстук, старалась не задеть пальцами его шею, словно это была шея прокаженного.

Когда учительница велела сесть на место, Марк снова растерянно обвел глазами класс и опять не увидел никакого сочувствия. Шавкет все так же прятал глаза под парту, остальные смотрели осуждающе, а злобные гопники из деревень мстительно скалились. Когда Марк плюхнулся на свое место, сзади раздались угрозы:

– Ну все, берегись, жиденыш!

Его соседка по парте Наталья Бейлис вдруг неожиданно поднялась и попросила, чтобы ее пересадили на другое место, потому что она больше не хочет сидеть с сыном предателей. Учительница понимающе сощурила глаза и разрешила пересесть на свободную парту. Марк остался совсем один.

Урок прошел в страшном напряжении. Как только прозвенел звонок, Шавкет тут же смылся, а парту Марка окружили подростки, которые начали обзывать его и изрыгать угрозы.

На выходе из школы беднягу ждала толпа. Кроме своих одноклассников он заметил и уличную шпану. Несчастный повертел головой. Шавкета нигде не было. Да и не справились бы они вдвоем с Шавкетом с такой ватагой архаровцев. Тем более что Марк – драчун никакой.

Пока он раздумывал, как быть – встать в боевую позу, выставив вперед кулаки, или миролюбиво вступить в переговоры, его предательски сбили с ног и начали пинать грязными ботинками. Пинали долго, с наслаждением, до тех пор, пока из школы не вышел трудовик Валерьян Петрович. При виде его пацаны разбежались. Учитель труда поднял ученика с бетонного крыльца и повел домой, придерживая за плечи, поскольку от боли мальчика мотало из стороны в сторону.

– Скажи родителям, чтобы перевели тебя в другую школу, – посоветовал Петрович. – Здесь евреев всегда ненавидели.

5

«Вот с этого дня меня и поволокла холодная волна неудачи, – стиснул зубы Крамер, вспомнив ту невеселую осень пятого класса. – И еще как поволокла! Да как же я мог забыть?»

В тот день, когда его исключили из пионеров, мальчик решил скрыть от родителей свое избиение в школе. Но когда он вошел в квартиру и взглянул в зеркало, то понял, что это никак не удастся. Под обоими глазами синели фонари, скулы

были в кровоподтеках, губы опухли, к тому же нижняя треснула пополам, и оттуда сочилась кровь. К несчастью, еще и папа оказался дома. Сняв пальто, мальчик хотел незаметно проскользнуть в свою комнату мимо дремлющего за газетой отца, но тот заметил, что сын хромает.

– Что с тобой? – заволновался он, а когда взглянул в лицо, ахнул. – Так я и думал, что этим закончится! Эта идея об эмиграции мне никогда не нравилась. Не зря же говорят: где родился, там и пригодился. Ведь если Бог породил нас в этой дыре, значит, так было нужно.

– Кому было нужно? – удивился Марк.

– Не знаю! – пожал плечами отец. – Пути Господни неисповедимы. Может, Господь хочет испытать нас на прочность. Может, желает посмотреть, справимся мы с трудностями или позорно сбежим в другую страну за лучшей жизнью.

– А искать лучшую жизнь – это позор? – спросил Марк.

– Для советских граждан позор, – ответил отец.

Марк слышал разговоры родителей об эмиграции в Израиль, но никогда не принимал их всерьез. И даже представить не мог, что они зайдут так далеко – соберут документы на выезд. Но зачем? Разве в Советском Союзе плохо живется? По крайней мере, они уважаемые в городе люди. Папа – заместитель директора химического комбината, мама – главный бухгалтер на мясокомбинате. У Шавкета Зиятдинова папа дворник, а мама кондуктор автобуса. И они не помышляют об эмиграции.

– Но зачем мама хочет в Израиль? – удивился Марк. – Ведь мы не бедствуем! У нас все есть, даже машина. А у родителей Шавкета нет машины и вряд ли будет. И велосипед ему никогда не купят, потому что у них нет денег.

Отец тяжело вздохнул.

– Здесь нет самого главного – уважения к нам. Евреев здесь считают неполноценными людьми. Когда подрастешь, поймешь, как тяжело жить в стране, где интеллигентность причисляют к слабости. А слабых всегда бьют.

Когда пришла с работы мама и увидела художества на лице сына, крепко обняла его и начала рыдать. Затем заметила отсутствие пионерского галстука.

– Тебе исключили из пионеров?

– Исключили, – всхлипнул Марк. – Мне было очень стыдно.

– А избили за что?

– Не знаю...

– Кто избил?

Марк насупился и опустил глаза. Мама тряхнула за плечи, но сын еще ниже опустил голову. За мальчика ответил отец:

– Все то же холопское отродье! Как и всю твою родню...

Глаза отца негодуяюще сверкнули. Мама тяжело вздохнула и отвернулась к окну. Так Марк узнал, что мамину родню во время войны убили отнюдь не фашисты, а свои же братья-литовцы, жившие по соседству. А фашисты еще до городка не дошли.

– Но зачем? – распахнул глаза мальчик.

– Чтобы выслужиться перед немцами, – жестко ответила мама. – Ведь они истребляли евреев.

Впрочем, была еще одна причина, почему соседи (которые еще вчера вежливо здоровались с дедушкой Даниилом) во время наступления германской армии ворвались среди ночи в дом Крамеров и начали с гиканьем резать спящую семью. Дело в том, что добрый дедушка Даниил многим отпускал товар в долг, поскольку с деньгами тогда было туго. Должников записывали в амбарные книги, и эти книги во время ночного налета были уничтожены в первую очередь.

– А как же ты, мама?

– Я спаслась случайно, – устало закрыла глаза мать. – Накануне отец отправил меня в Паневежис учиться на бухгалтера. Если бы в это время я не была на курсах, меня бы тоже убили со всей моей семьей.

Сын, шмыгнув носом, кинулся к матери и крепко ее обнял.

– А когда фашисты пришли в Паневежис, ты спряталась?

– Спрячешься от них, – тяжело вздохнула мама, и глаза ее наполнились слезами.

Но потом, словно опомнившись, мама торопливо промокнула глаза платком и рассказала, что за день до прихода фашистов в городе начали хозяйничать Лесные братья, называвшие себя освободителями.

Однажды ночью они ворвались в их женское общежитие.

Мама услышала крики в соседних комнатах, выскочила из постели и побежала по темному коридору на улицу. Там ее схватили чьи-то грубые здоровенные ручки, но она укусила бандита за палец и вырвалась из его объятий.

Когда молодая студентка выскочила в открытую дверь, ей вслед прогремел выстрел из двустволки. По счастью, обе пули просвистели мимо. Хорошо, что в ту ночь небо было сумрачным и луга не так явно заливало лунным светом, иначе убежать бы не удалось. Девушка схоронилась в стогу на дальнем поле и всю ночь проклацала зубами. А наутро, когда она решила возвратиться домой, ее схватили немцы.

Мама снова замолчала. На этот раз надолго. Глаза ее остекленели и уставились в пустоту.

– А дальше, дальше что? – погладил мамину руку Марк. – Как тебя удалось от них сбежать?

– Сбежать? – мама вышла из оцепенения. – Сбежала я не сразу.

И она рассказала, как ее, молодую студентку, отправили в концлагерь. Там она провела два года. А в 1943 году узников этого лагеря начали активно уничтожать. То ли русские пошли в наступление, то ли сверху приказали ликвидировать лагерь, но каждый божий день из бараков выводили десятки узников, заталкивали в крытые машины-душегубки и увозили в неизвестном направлении. Все знали, что их увозят на расстрел.

В одно прекрасное утро дошла очередь и до женского ба-

рака. Узниц вывели на снег, затолкали в душегубку и закрыли за ними дверь. Машина тронулась. Молодая девушка уже мысленно распрощалась с жизнью и почти заснула под монотонный гул мотора, но ее внезапно толкнула сидящая рядом подруга. Она указала глазами на охранника у двери. Немец дремал, уткнувшись каской в свой автомат. Дверь была не заперта. Да и от кого запираать? От изможденных от голода женщин, которые едва ворочали глазами?

Бывшая студентка все поняла без слов. Она переглянулась с подругой. Через некоторое время девушки поднялись со скамейки, подкрались к двери и, пнув ногой дверь, одновременно выпрыгнули на дорогу. Место оказалось удачным. Рядом был лес. Беглянки со всех ног понеслись прочь от дороги. Сзади раздалась автоматная очередь. Но узницы продолжали бежать не оглядываясь. Они услышали, что машина остановилась. До них донеслась немецкая ругань и треск новых автоматных очередей. Но девушки уже были в лесу и мчались по снегу, сломя голову. Преследовать их не стали. Немцев было немного – два охранника и шофер. Через некоторое время сбежавшие узницы услышали, что машина поехала дальше.

Женщина затихла. Было заметно, что ей нелегко все это вспоминать. Одиннадцатилетнего сына потрясло откровение матери.

– Как же так? – сжал он зубы. – Свои же соседи пришли убивать? В угоду немцам? Ненавижу литовцев!

– При чем здесь литовцы? – покачала головой мама. – Среди них много хороших людей. Меня спасли те же литовцы. Когда я, сбежав от немцев, возвратилась в свой дом, еще не зная, что моих родителей и сестер вырезали, то оказалось, что в него заселилась семья из Вильнюса. Эта семья и спрятала меня, рискуя собственной жизнью. Я у них скрывалась два года. Только потом, когда вернулись коммунисты и установили в Литве свой порядок, я решилась наконец выйти на улицу родного города.

6

Переводиться в другую школу по совету учителя труда Марк категорически отказался, чтобы его не посчитали за труса. Но кем-кем, а трусом мальчик не был. Решение сына поддержал отец, который считал, что проблемы надо решать, а не убегать от них, потому что они все равно потом настигнут.

Папа пообещал, что отдаст сына на бокс, чтобы он мог защищаться кулаками. Самым тяжелым был второй день. Нужно было идти в школу с разукрашенным лицом, а потом угрюмо отсиживать занятия, зная, что беззаботное время закончено, и теперь ты больше не любимец класса, а одинокий отщепенец без красного галстука.

В тот день было много насмешек, угроз, шушуканья за спиной, но самым тяжелым было, когда одноклассники, ко-

торые еще вчера были закадычными друзьями, не отвечали на приветствие и торопливо сторонились, словно боялись запачкаться. Даже Шавкет при встрече с Марком шарахнулся от него, как от прокаженного.

Учителя тоже игнорировали лучшего ученика, которого еще вчера ставили в пример. Марка перестали вызывать к доске, ставить ему оценки. А когда он поднимал руку, ее демонстративно не замечали. Отсутствие красного галстука на шее выделяло его из всего класса. Это было сопоставимо с позорным клеймом на лице в дикое средневековье.

В конце четверти учителя начали вызывать Марка к доске, поскольку нужно было ставить оценку в четверти. Опального ученика почти не слушали. Одноклассники на его ответах начинали гудеть, и им не делали замечаний. А учительница в это время что-то писала в журнале и делала вид, что ее совсем не интересует ответ. Под всеобщее удовлетворение Крамеру ставили тройку и отправляли на место. Так он из блестящего ученика и круглого отличника превратился в невзрачного троечника. Это продолжалось года полтора.

Но затем волны неудачи, видимо, начали отступать. К середине седьмого класса все стало возвращаться на свои места. Скатившийся на тройки Марк снова выбился в лидеры. Его опять принялись привлекать к активной деятельности в классе. Как-никак Крамер ходил в музыкальную школу и лучше всех в школе играл на фортепьяно, поэтому ни один школьный концерт не обходился без него. Преуспел он и в

боксе: после года занятий мальчик неожиданно стал победителем в юношеских соревнованиях города. Злые гопники заткнулись. Марк снова чувствовал себя счастливым, удачливым и всеми любимым. Правда, иной раз ему нет-нет да и напоминали, что он из семьи отказников.

Это царапало сердце. Обиднее всего, когда об этом при всех учащихся говорили преподаватели. Как-никак, в классе были девочки, нравившиеся Марку, и среди них Наташа Бейлис, которая демонстративно отказалась сидеть с ним за одной партой из-за того, что его родители предали Родину.

Но когда «отказником» его обзывали во дворе, Марк к этому относился спокойно. Называли с досады, что проигрывали ему в карты. Ведь у Марка совершенно неожиданно открылся талант картежника. Он освоил все азартные игры: в дурака, в покер, в очко, в буру – и всегда выигрывал. А играли, как правило, на деньги. По этой причине наш друг почти с тринадцати лет имел карманные деньги, и для его возраста – очень даже приличные.

В четырнадцать лет снова пошел откат. Марку неожиданно припомнили, что он изгой в этом славном передовом обществе. Его наотрез отказались принимать в комсомол.

Это было трагедией. Юноша искренне верил, что в комсомоле находится вся передовая молодежь. Все отличники, ударники и более-менее умные, интеллигентные ребята в восьмом классе начали активно вступать в передовую Ленинскую организацию. Выходит, Марка не причислили к

этой категории, отказав ему в членстве ВЛКСМ? Но как такое возможно? Ведь он отличник, музыкант, спортсмен, к тому же снискал славу интеллектуала на всевозможных олимпиадах, и, кроме того, он единственный из школы знает пять языков.

В старших классах, когда обида выветрилась, до Марка наконец дошло, что может угрожать выпускнику среднего учебного заведения, не имеющего комсомольского билета. Ему могут закрыть путь к высшему образованию!

Выходит, каким бы ты ни был супер-пупер, но если не член ВЛКСМ, то тебе пожизненно уготовано работать на подсобных работах вместе с такими же неудачниками.

Этого Марк допустить не мог и решил биться за свое достоинство до последнего издыхания. Усилия не пропали даром. Ему трижды отказывали в принятии документов, но на четвертый раз он добился, чтобы приняли заявление в ВУЗ, поскольку он был единственным золотым медалистом в этом маленьком городке. Хоть Марк и не был комсомольцем, но не допустить юношу к приемным экзаменам в институт не могли при всем желании.

Институтское начальство рассчитывало, что срежет упрямца на экзаменах. Но увы! Завалить такого интеллектуала оказалось нереально: вступительные экзамены юноша сдал блестяще. Правда, нельзя сказать, что отделение «Автоматизация производства» сильно привлекало энергичного юношу. Просто в то время такая специальность считалась

передовой, и поступить на этот факультет мечтало большинство абитуриентов.

7

«А ведь действительно мои юные годы проходили накатами, – задумался Марк, бредя за группой серфингистов к океану. – А мне всегда казалось, что мое детство – это одно сплошное счастье...»

К плетущемуся сзади мужчине присоединилась Агнеса со своей доской, которую она весьма изящно прижимала к бедру.

– Вы в первый раз встанете на борд? – спросила она.

– В первый! – признался Марк. – Это сложно?

– Если с парусом, то нет. Главное, не проявляйте силу, если ветер начнет вырывать из рук парус. Нужно поддаться порыву ветра, а затем использовать его силу для движения. Словом, как в вашей жизни.

Марк опешил от такой пронизательности едва знакомой итальянки с целомудренным именем.

– Откуда вы знаете, как у меня в жизни? – удивился он. – С чего вы взяли, что я вообще поддаюсь чьим-то порывам?

Агнеса внимательно взглянула на собеседника и произнесла:

– Вы не похожи на глупца, который думает, что может противостоять стихии.

– Вы какую стихию имеете в виду? – поинтересовался Марк. – Стихию природы или стихию страсти?

– Это без разницы! И то и другое приносит нам волны оттуда, – указала женщина глазами на небо и прошла вперед.

Марк посмотрел на небо без единого облачка и мысленно согласился со своей новой знакомой. Он действительно не противостоял стихии страсти, тем более она вела его к гибели. «Интересно, если бы не подсуетился отец, был бы я сейчас живым?» – подумал Марк, не отрывая взгляда от небесной сини.

Учеба в Политехническом институте давалась Марку легко. Он феноменально запоминал лекции, которые после окончания пары мог с легкостью пересказать однокурсникам слово в слово. Впрочем, в тот период его больше интересовали однокурсницы. Марку одновременно нравились сразу три девушки, между которыми он никак не мог выбрать, чтобы завести серьезные отношения. Но больше всего его мысли занимали не ровесницы из студенческой среды, а одна зрелая женщина, при воспоминании о которой у него и сейчас учащается биение сердца.

Впрочем, не такая уж она была и зрелая – старше Марка всего на двенадцать лет. Это тогда, в далекой юности, тридцатилетние женщины казались ему такими взрослыми и умудренными опытом.

Марку было десять лет, когда в их дом въехала молодая семейная пара. Могучий мужчина, недавно демобилизовав-

шийся из армии, и хрупкая газель с необычайно тонкой талией, но весьма округлыми бедрами. Десятилетний мальчик мало тогда разбирался в волнующих прелестях округлых бедер, но его поразили зеленые глаза этой замужней женщины, длинные ресницы и романтические русые кудряшки, обрамляющие ее белое лицо. Ангела звали Эмилией, и она напоминала ту самую графиню, что белее лилии, воспетую Лермонтовым в своем стихотворении. Муж новой соседки, которого звали Николаем, на ее фоне казался грубым мужланом.

Таких красивых женщин, как Эмилия, Марк не видел даже в кино. Не влюбиться в нее было невозможно. Вот так к нему в десять лет и пришла первая и самая что ни на есть настоящая любовь, о которой он не рассказывал никому, даже первейшему другу Шавкету, с которым они иногда любили «перетереть» про девчонок.

Каждый раз, когда мальчик здоровался с соседкой, сердце его замирало. Она небрежно кивала в ответ и снисходительно улыбалась. На эту женщину обращал внимание не только он. Марк замечал, что многие мужчины оглядывались на объект его обожания. Некоторые останавливались и с серьезным видом провожали молодую женщину задумчивым взглядом, а некоторые начинали нечисто скалиться. Однажды какой-то мужик в зековской фуфайке и железными зубами на глазах у Марка что-то сказал Эмилиии во дворе – что-то отвратительное и неприятное. Марк не слышал, потому

что находился у качелей. Но видел, как вздрогнула женщина и стыдливо опустила глаза. Через минуту из подъезда в трусах и майке выскочил ее могучий муж, и завязалась драка. Сбежался весь двор. Это побоище, в результате которого незнакомец в фуфайке растерял все свои железные зубы, долго обсуждали в доме. Все хвалили соседа, который защитил от хамских выпадов красавицу-жену. Однако пристрастие Николая к спиртным напиткам двор не одобрял.

– И как она только с ним живет? – выкатывали глаза на дворовых скамейках уличные сплетницы. – Эмилька – кровь с молоком! А он – забулдыга забулдыгой.

– Наверное, мясо с мясокомбината таскает!

– А что толку? Детей-то у них как не было, так и нет...

Марк, который случайно услышал этот разговор у подъезда, так и не понял, какое отношение имеет мясо к тому, что у Эмилии нет детей. Мама Марка, как и Николай, работала на мясокомбинате, правда, бухгалтером, а не рубщиком, но у ведь нее-то дети были – он, Марк. А между тем мясо с комбината мама тоже приносила, правда, не так часто. Впрочем, это к делу не относится.

По мере того как мальчик вырослел и наливался мужской силой, соседка все более сухо здоровалась с юношей и старалась поскорее пройти, торопливо потупив глаза. «И куда только девалась ее снисходительная улыбка?» – удивлялся Марк и не мог не догадываться, что в душе этой женщины тоже что-то происходит. Иначе почему при встрече она от-

водит глаза, заливается пунцовой краской и здоровается не своим голосом, несмотря на то что он для нее – щенок.

Роман с ней завязался внезапно, когда Марк перешел на третий курс. Мама попросила сына на день Октябрьской революции пойти вместе с ее мясокомбинатом на демонстрацию. Объяснила, что на комбинате не хватает мужиков для несения тяжелых транспарантов и флагов. Но студент понимал, что дело не в этом. Просто в Политехническом институте комсомольская ячейка отстранила его от демонстрации, как сына отказников, и мама не захотела, чтобы ее чадо в очередной раз почувствовало себя изгоем.

После шестивия все работники мясокомбината отправились отмечать праздник революции в актовом зале предприятия. Там уже были накрыты столы и установлены стоваттные колонки с подключенным к ним магнитофоном. Николай был со своей женой Эмилией. Именно ради нее наш студент и поперся на коллективную пьянку работников мясокомбината, проигнорировав студенческую вечеринку в молодежном общежитии.

Там, на комбинате, во время хмельного разгула Марк с Эмилией начали выразительно переглядываться через стол, и интенсивность переглядывания (если говорить производственным языком) возрастала по мере произнесения тостов и опрокидывания рюмок. Коллектив все более соловел, а Николай после шести стаканов огненной воды культурно отрубился на стуле. Только после этого Марк осмелился пригласить

силь Эмилию на медленный танец.

К его удивлению, она не стала отнекиваться. Слегка заделась и позволила вывести себя на середину зала. К этому времени актовой зал комбината уже представлял собой пьяное кишение, и только одна пара была словно не от мира сего. Наш потенциальный любовник впервые так откровенно держал в объятиях зрелую даму, и его голова слегка кружилась от женского жара. На следующий танец он опять пригласил ее, потому что не мог не пригласить. Потом был третий танец, четвертый, пятый, и с каждым разом танцоры прижимались друг к другу все плотнее и плотнее. Марк чувствовал знойное дыхание этой женщины, и сам задышался от ее пылающего тела, особенно от упругих грудей, которые прильнули к его ребрам. Когда уже стало совсем невмоготу, партнерша оттолкнула студента, затем еле слышно прошептала:

– Хочешь, завтра пойдем в кино?

– Конечно, – выдохнул юноша, и в глазах потемнело от счастья.

В кино они сходили. На последний ряд, на котором все влюбленные парочки так обжимались, что случайно обернувшись не знали, куда девать глаза. Про что был фильм, Марк так и не понял. Однако по сегодняшней день очень ясно помнит, как он, словно пьяный, дрожащими руками расстегивал пуговицы на пальто Эмилии и искал губами ее губы. Когда закончилось кино и включили свет, пришлось при-

ложить усилия, чтобы оторваться от нее и, напустив на себя равнодушие, насильно засунуть руки в карманы. Женщина была смущена, прятала глаза и отворачивалась от Марка. Выходящие из зала зрители смотрели на них с интересом. Марк с Эмилией вышли последними. Если сказать, что расставаться не хотелось – значит ничего не сказать. Отлепиться от нее, от ее пылающего тела, которое чувствовалось даже сквозь пальто, от ее прерывистого дыхания, от ее запаха, от которого замирает все внутри, было невозможно.

– А пойдем к моему другу! – неожиданно выпалил Марк дрожащим голосом. – Его сейчас дома нет, он в общежитии у девчонок, а я знаю, где лежит ключ.

Эмилия ничего не ответила. Она, словно сомнамбула, позволила взять себе под локоток и повести в чужую холостяцкую квартиру. Дрожь поминутно накатывала то на нее, то на ее юного спутника. Пока дошли до дома, не обмолвились ни словом. Ключ лежал под коврикком. Марк до сих пор помнит, как от волнения не мог попасть ключом в скважину, как дверь наконец открылась, как они вошли в квартиру товарища... А дальше сознание словно отключилось.

У них произошло все очень быстро, нетерпеливо и безрассудно. Они толком даже не разделись и едва дошли до дивана, начав сумасшедше целоваться еще в прихожей. Когда Марк окончательно пришел в себя, то заметил, что он в одном ботинке, а на шее намотан шарф. С ним рядом лежит прекрасная полураздетая женщина с закрытыми глазами, и

ее ресницы чувственно трепещут.

Потом были страстные встречи у него в квартире во время отсутствия родителей, особенно в конце месяца, когда на предприятиях гнали план. Приводить к себе соседского юношу замужняя женщина опасалась, хотя ее муж также целыми днями пропадал на комбинате. Свидания напоминали хмельной угар. Для Марка это был первый опыт интима с женщиной, а для нее этот пылкий юноша был вторым мужчиной в жизни. При встрече она набрасывалась на него, как оголодавшая волчица.

Так продолжалось два года. Этот период Крамер всегда вспоминал как время абсолютного счастья. Без Эмилии он уже не представлял своей жизни и мечтал по окончании института увести ее в любую глухомань, в какую только распределят. Даже если комиссия пошлет его в район вечной мерзлоты, и тогда молодой специалист воспримет это с радостной улыбкой на губах, поскольку с ним туда отправится его возлюбленная.

Но судьбе было угодно распорядиться по-другому. Однажды их застучала возвратившаяся с работы мама. Пара в это время, разомлев, в обнаженном виде отдыхала на их общем семейном диване. Мама пришла в такой ужас, что Эмилия в панике бежала из квартиры в одной простыне.

Разумеется, ужас охватил родительницу отнюдь не из-за того, что зрелая тетенька лишила девственности ее двадцатиднолетнего мальчика, а что грубый муж этой женщины

проломит несчастному башку. Явившийся с работы отец, услышав эту новость, принялся взывать к рассудку и требовать от сына, чтобы он прекратил всякие отношения с соседкой, пока дворовые сплетницы не разнесли сенсацию по всему городу. Но Марк уперся:

– Об этом не может быть речи, папа! Я ее люблю! После распределения я возьму ее с собой.

– Что ж, – устало выдохнул отец, поняв, что сына не переубедить, – тогда мне ничего не остается, как отправить тебя в армию.

Марк весело расхохотался, приняв это за шутку. Ведь отец больше всех из семьи был противником армии. Он считал, что служба в вооруженных силах его умному, тактичному и интеллигентному сыну принесет только вред. Высокий интеллект и энциклопедические знания в армии не ценятся. В армии царят грубость, тупость, дедовщина, и там скопление недоумков всех мастей, которых уравнивают рядовые погоны. О чем речь? Неглупым, беззлобным и неагрессивным юношам (а тем более еврейским) там делать решительно нечего. Так, хоть тресни, считал отец.

Папа не любил военный порядок, ходьбу строем и уже подготовил справку для военкомата, что у Марка большое сердце и он может быть годен только к нестроевой службе. Эту справку родитель в тот же вечер разорвал прямо на глазах у сына, и только после этого бедный студент понял, что родитель не шутит.

– Как же так? – растерялся Марк. – А «деды», которые могут покалечить, если откажешься чистить унитаз зубной щеткой?

– Ничего! Выкрутишься, – отрезал отец. – В армии, конечно, будет тяжело, но там тебе гораздо безопаснее, чем здесь.

8

Однако именно армия определила дальнейшую судьбу Марка, причем такую необычную, о которой он и помыслить не мог. Если бы не служба в вооруженных силах, жизнь Крамера сложилась бы обыкновенно, как у сотни миллионов простых советских граждан. Нет, на армию Марк ни в коем случае не в обиде, хотя, как любому новобранцу, ему пришлось несладко.

Дедовщина, конечно, в армии была, и довольно жесткая. В первый же день, как выдали форму, к Марку подошел «старик» с лычками ефрейтора на погонах и сурово спросил:

– Кто такой и откуда?

Глаза ефрейтора были совершенно стеклянными, а изо рта разило одеколоном. Новобранец расплылся в обаятельной улыбке и как можно доброжелательнее ответил:

– Я – Марк Крамер. Прибыл из Рамигала...

Бедняга не успел договорить. Военнослужащий внезапно врезал ему кулаком под дых.

– За что? – выдохнул Марк, сгибаясь пополам.

– За все, жидяра! – злобно ответил «старик» и лениво топал прочь. Находившийся в казарме офицер сделал вид, что ничего не заметил.

Потом новоявленный армеец приспособился. Старослужащие, издевавшиеся над новобранцами, были разные. Одни это делали с неохотой, а другие испытывали наслаждение. Впоследствии Марк со всеми нашел общий язык. С одним старослужащим он прилюдно подрался, прекрасно осознавая, что его недолюбливают друзья-товарищи за то, что он подчеркнуто выслуживается перед начальством. Марк нокаутировал его на втором ударе. Новобранцы вытаращили глаза, и «деды» присвистнули:

– Ты что, боксер?

– Занимался немного, – скромно заметил Марк.

Своим в доску для старослужащих он стал после того, как раскрылись его феноменальные способности в карточной игре. Новобранец так виртуозно их обыгрывал, что они прониклись к нему неподдельным уважением, тем более что все карточные долги Марк великодушно прощал.

После этого рядового Крамера уже не заставляли стирать «дедам» портянки, начищать сапоги, драить полы, чистить туалеты. И лишь один ефрейтор Кириллов, который в первый день ударил новобранца под дых, продолжал ненавидеть чемпиона полка по картам.

Этому без пяти минут дембелю было позволено все: курить в помещении, бухать в казарме, шляться после отбоя по

всей территории части. Он трижды избивал Марка, и два раза, когда тот стоял на карауле. Это было еще обиднее. Ведь у рядового Крамера в руках был автомат, а у ефрейтора только кулаки. Успокаивало только то, что зарвавшийся дембель избивал не только его. Однажды после отбоя Марк услышал сдержанный шепот своих сослуживцев.

– Если Кириллов еще раз ударит меня в карауле, я, ей-богу, пушу в него очередь, – произнес обиженный голос.

Другой скептический голос хмыкнул:

– Ну и дурак! Лет на пятнадцать сядешь. Это в лучшем случае!

– Это почему? По уставу во время несения караула после окрика «стой, кто идет» я обязан применить оружие.

– Ты совсем debil? Какой, к черту, устав? Ты не на войне!

Разговор солдат произвел впечатление на Марка. Он глубоко задумался. А действительно, почему, собственно, он игнорирует устав? Шальная мысль проучить ублюдка не покидала рядового две недели. В конце концов Крамер разработал нехитрый план, в котором, впрочем, не был до конца уверен. После того как Кириллов снова ударил Марка под дых, когда проиграл ему в карты, боец все-таки решился на праведную месть. И случай вскоре представился.

Однажды, стоя в ночном карауле у склада, он увидел в темноте приближающуюся фигуру, качающуюся из стороны в сторону. Марк уже узнал, что ефрейтор негласно обходит посты, причем не все, а те, где стоят новобранцы. Обычно

он подходил к караульному и просил закурить. Если солдат отвечал, что закурить нет – дембель бил его в челюсть. Если караульный доставал пачку сигарет – ефрейтор бил его под дых и при этом нравоучительно изрекал, что на посту курить запрещено.

Когда эта пьяная рожа приблизилась к Марку, его сердце замерло от страха. Преодолевая себя, он вскинул автомат и грозно воскликнул:

– Стой, кто идет!

Дембель остановился и ошарашенно уставился на караульного.

– Ты что, охренел? – изрыгнул он. – Своих не узнаешь, жидяра?

– А ну лицом в землю, или открываю огонь! – крикнул Марк и звонко перезарядил затвор.

– Да ты точно охренел...

Марк выстрелил в воздух и ткнул дулом автомата в лоб Кириллову.

– Лицом в землю, я сказал!

Дембель упал на землю, позорно закрыв голову руками. На выстрел прибежал патрульный наряд. Офицер долго ничего не мог понять, переводя взгляд то на караульного, то на лежащего на земле ефрейтора.

– Что здесь происходит, рядовой Крамер? – наконец выдал из себя офицер.

– Я действовал согласно уставу, товарищ майор, – вытя-

нулся в струнку Марк.

– Но это военнослужащий Кириллов, – еще больше удивился офицер. – Ты его не узнал, рядовой Крамер?

– Советский военнослужащий не может быть в таком неприглядном виде, товарищ майор, – сдвинул брови Марк. – Это позор для Советской армии!

Офицер лишился дара речи. После недоуменной паузы он приказал Кириллову подняться и следовать за ним, а рядовому – продолжить несение караула.

О происшествии дошло до военной прокуратуры. Действия рядового сочли правильным, а Кириллова отправили под трибунал. После этого Крамера пригласил на беседу сотрудник из соответствующей службы. Сотрудник в гражданской одежде, но с подозрительно военной выправкой поинтересовался, что имел в виду рядовой Крамер, высказав офицеру претензии про облик советского солдата? И ему ли, презренному отказнику, рассуждать о таких высоких материях, как советский патриотизм?

– Ведь твоя семья нацелилась на эмиграцию в Израиль? Не так ли?

Марк вытянулся по струнке и с праведным блеском в глазах ответил, что лично он не имеет желания покидать Советский Союз. Что касается мамы, то она, как объяснил рядовой, никак не может забыть о том, что во время войны ее родителей и сестер зарезали предатели Родины. Нет! Не фашисты, а свои же советские граждане из братской Литвы.

Товарищ в гражданке оказался на редкость понятливым. Он подтвердил, что в стране много нехороших и несознательных людей. Они есть везде, даже в армии, поэтому Марк совершенно прав – не соответствуют некоторые товарищи облику сознательного советского солдата.

Мужчина снизил голос и сказал, что был бы очень признателен, если бы рядовой время от времени сообщал ему о настроениях сослуживцев, особенно среди евреев.

– Ведь вы знаете, что Советский Союз разорвал все отношения с Израилем после шестидневной войны и встал на сторону арабов. Не все советские евреи с этим согласны...

– Не все! – согласно кивнул рядовой Крамер. – Но что касается меня, я понимаю международную обстановку.

– Вот и прекрасно! – улыбнулся старший товарищ.

Выйдя из кабинета, Марк понял, что снова оседлал волну удачи. И действительно, отношение к нему после беседы с сотрудником из органов кардинально изменилось. Причем не только со стороны сослуживцев, но и среди офицеров. Его начали ставить в пример и вскоре, присвоив звание сержанта, назначили командиром отделения.

9

Если бы в то время Марку сказали, что его чувствами, удачами и настроениями управляют космические волны, накачивающие откуда-то из глубины вселенной и откатывающие

обратно, он принял бы это в штыки: «А что же моя воля – пустое место?»»

Сейчас Крамер серьезно задумался над словами Агнесы, которая, кстати, самая первая вставила в виндсерфинговую доску парус и легко понеслась по волнам в открытый океан. За ней последовали остальные, включая учителя Дебдана. Владение старика доской поразило Марка. Особенно впечатлило, когда он, набрав скорость под парусом, неожиданно выдернул его из доски, сбросил в воду и понесся дальше на одном борде, поймав какую-то не очень высокую волну.

Мужчина присел на песок, не решаясь на эксперимент с парусом. Тем более что ему никто и не показал, как правильно владеть спортивным инвентарем. На него вообще никто не обращал внимания, хотя он чувствовал себя не совсем чужим в этой компании. Между тем он так и не спросил ни у кого, что означает «открыть сферу».

Сидя на песке, мужчина не мог не отметить, что все его новые знакомые лавируют между волн довольно виртуозно. «А не такие уж они и психи, если так умело управляют парусом, – подумал Марк. – И в словах Агнесы есть какая-то доля правды...»

Ведь куда потом делась эта сумасшедшая страсть к Эмили, которая, казалось, будет испепелять и преследовать, как говорят поэты, до самого смертного одра? Исчезла как не бывало! Как будто действительно волна любви взяла и откатила обратно, причем практически сразу же после того, как

«казанову» облачили в военную форму.

Взамен накатила другая волна. И не просто накатила, а накрыла с головой. Это медсестричка Аленка, жена лейтенанта Курнакова. В эту нежную девятнадцатилетнюю блондинку с кошачьими глазками и пухлыми губками была влюблена вся военная часть, от самого хилого рядового до бравого генерала с орденами на груди. В казарме после отбоя только и разговоров было что об Алене Курнаковой. Как известно, в мужской портяночно-махорочной среде о женщинах говорят не очень чисто, однако по поводу Алены за весь период службы Марк не услышал ни одного пошлого слова.

Любовь к ней могла быть только платонической. Марк понимал, что с его лычками рядового, а потом сержанта никакого шанса на роман с этим ангелочком в белом халате у него не было. Вокруг медсанчасти вились brave офицеры в званиях не ниже полковника. Однако если солдату выпадало счастье заболеть, он летел в медсанбат как на крыльях. «Оно и понятно, – вздыхал влюбленный военнослужащий. – При виде Алены и безногий побежит без костылей».

Еще в своей части Марк регулярно встречался с товарищем из соответствующих органов, который сообщал своему начальству, что курируемый им сержант Крамер весьма неординарный молодой человек, приятный, хорошо воспитанный. Он редкий интеллектuala, быстро схватывает, прекрасно запоминает информацию, свободно владеет пятью языками, кроме русского, чутко распознает характеры, мгно-

венно подстраивается под собеседника, чем вызывает у него доверие. При разговоре Крамер безошибочно считывает сущность собеседника и выявляет все его слабости.

Службу в Советской армии Крамер закончил в разведро-те. А после демобилизации вчерашнего солдата неожиданно вызвали в КГБ. В ведомстве ему сообщили, что семья Кра-мер может получить разрешение на выезд в Израиль.

– На каких-то условиях? – насторожился Марк.

– Без каких-либо условий! – задумчиво расплылся в улыб-ке сидящий за столом мужчина с очень внимательным взгля-дом и аккуратно постриженными усиками. – Нужно только помнить, что вы уроженец великой страны и что вы частич-ка великой нации, которая спасла многие народы от уничто-жения.

Мужчина откинулся на спинке кресла и по-домашнему за-кинул руки за голову.

– Вот представьте, пройдет тысяча лет. Время сотрет из памяти мелкие детали исторических событий, и на Третью мировую войну время оставит всего три строки, но по суще-ству. А строки будут выглядеть приблизительно так: «Гер-манцы вознамерились уничтожить евреев на всей планете, а русские за них вступились и наголову разгромили герман-цев, тем самым не дав им исчезнуть с лица земли». Вот и все. Вы согласны?

Внимательные глаза старшего товарища очень цепко впи-лись в молодого парня, который заерзал на стуле и неуверен-

но кивнул:

– В принципе так, но это очень утрировано... Ведь не только евреев хотели уничтожить фашисты...

– Я и говорю! – подхватил мужчина, и усики его согласно задергались. – Время утрирует события, сжимает их до анекдота, но сущность оставляет. Вы-то понимаете, что если бы фашисты победили в этой войне, евреев бы уже не было! Ни одного человека! И не только их!

Марк кивнул.

– Кстати, русские не в первый раз спасают народы от катастрофы, – покачал головой мужчина. – Русские спасли болгар, которых намеривались уничтожить турки, армян и много кого еще. Все малые народы Сибири и Азии выжили благодаря русским. Если бы туда зашли китайцы или японцы, их бы вырезали, как вырезали всех подряд германцы, когда завоевывали территории. И называли они это скромно, но со вкусом – огерманиванием. Германцы вырезали многих пруссов, и на сегодняшний день от них осталось только название. Они бы вырезали и всех новгородцев, если бы дошли до Новгорода. Впрочем, что я вам рассказываю, вы сами прекрасно знаете историю!

Крамер снова кивнул, хотя ему был не по душе такой исторический примитивизм. Марк порывисто вздохнул и вопросительно посмотрел в глаза собеседнику. Тот без лишних слов уловил, что больше всего интересуется молодого парня.

– Не думайте, что мы хотим, чтобы вы, Марк Генрихо-

вич, в Израиле совершали теракты и диверсии, – обаятельно улыбнулся усиками старший товарищ. – Мы хотим жить в мире со всеми. У нас только одна задача – выработать политику, чтобы Израиль как можно меньше проявлял враждебности к СССР. Для этого время от времени нам будет нужна информация о деятельности антисоветских организаций на территории Израиля.

Молодой человек потупился и впал в задумчивость. Вчерашний сержант вооруженных сил прекрасно понял, что ему предлагают стать агентом, и его волновало только одно – сможет ли он оправдать такое высокое доверие? Ведь это, по сути, его гражданский долг, сыновний долг гражданина советской страны. Но дело даже было не в долге. Чего скрывать, Марку нравились шпионские игры и вся эта связанная с ними романтика.

– Я согласен! – произнес он, поднимая голову.

Мужчина оживился и тут же поднял телефонную трубку.

– Вы сегодня же должны выехать ночным поездом в Москву. Вас там уже ждут...

10

Неожиданно набежавшая волна выбросила на берег парусную доску вместе серфингистом, которая со свистом пролетела по воздуху метра два. Приземлившись, молодой мужчина небрежно соскочил с доски на песок, словно сделал шаг

со ступеньки.

– Bravo, Ансгар! – раздались крики со стороны оставшихся на берегу спортсменов.

Принесенный волной Ансгар, высокий молодой брюнет с прозрачными голубыми глазами, деловито выдернул из доски парус и бросил на песок. Затем лег на живот рядом с Марком, который отдыхал после своего первого опыта скольжения под парусом. Показал ему эту премудрость австралиец по имени Джошуа.

– Ловко вы управляетесь, – похвалил его новенький.

– Это я управлял волной, – шутливо ответил серфингист и вдруг рассмеялся.

Мужчине было лет тридцать. Он рассказал, что прибыл сюда из Германии. Этим видом спорта занимается всего год. Что касается его виртуозных прыжков на берег, то здесь ничего сложного нет. Типичная цирковая физика.

– Пару дней тренировок, и вы будете летать, как я, – заверил Ансгар. – В целом – это баловство. Я сюда приехал не виндсерфинговое мастерство оттачивать.

– А зачем? – заинтересовался Крамер, переходя с английского на немецкий.

– За тем, за чем и вы, – ответил удивленно спортсмен. – Поймать большую волну!

Удивление парня было не совсем понятно Марку. То ли немца удивило, что его собеседник знает немецкий, как родной, то ли его поразило, что новенький не в курсе, что здесь

он ради большой волны.

На берег стали выбираться другие серфингисты. Неразлучная парочка, швед с китайцем, вытащив на берег свои доски, уставилась на морские волны, накатывающие на песок.

– Смотри, какой интересный камень принесла волна, – произнес китаец Вейс.

– Не трогай его! Давай посмотрим, унесет его следующая волна или оставит? – ответил Бенгт. – Унесла!

Немец резко вскочил на ноги и бросился в океан.

– Опять ската увидел! – заволновался швед и, сделав рупором руки, закричал: – Ансгар, вернись! Тебе учитель запретил приближаться к скатам! Здесь скаты – убийцы!

– Бесполезно, – ответил китаец. – Он слов не понимает.

– Когда скат его долбанет, тогда поймет!

Оба опять уставились на волны, облизывающие их ступни.

– Вот твой камень, Вейс! – воскликнул Бенгт. – Принесло и не уносит. И заметь, следующие волны только двигают его к твоим ногам.

«А ведь точно, – озарило Марка. – И мне казалось, что после эмиграции в Израиль волны только двигали ко мне удачу...»

Через год с небольшим после предложения офицера КГБ семейство Крамер уже сходило с трапа самолета в аэропорту Бен-Гурион. Мама до последней минуты не верила, что им разрешили выехать за границу. Все документы были оформ-

лены как-то неправдоподобно быстро, и как-то не по-советски легко приобретены билеты на самолет до Тель-Авива.

– Надо же, – все никак не могла поверить мама на высоте девять тысяч метров, – не прошло и двенадцати лет.

– Почему же не прошло, – вяло поддерживал разговор папа. – Прошло ровно двенадцать лет и двенадцать дней.

Папа догадывался, что их семью выпустили из Советского Союза не просто так. Он внимательно вглядывался в сына, но задавать вопросы на щекотливую тему не решался.

Когда Марка в израильском аэропорту пригласили в комнату ШАБАКа, в которой за три минуты раскалывали агентов советских спецслужб, родитель сильно напрягся. Жуткие картины возникли перед глазами, однако ровно через двенадцать минут Марк вышел оттуда развеселый, как сукин кот. «Видимо, в Москве хорошо натаскали», – с облегчением подумал отец.

И действительно, год обучения в разведшколе КГБ не прошел для Марка даром. Он быстро схватывал основы шпионских наук, что называется, ловил на лету, проявляя недюжинные способности к учебе, чем вызывал неподдельную симпатию преподавателей.

Выпускнику ускоренных курсов предписали как можно быстрее обжиться на новой родине и поглубже внедриться в государственную структуру Израиля. Порекомендовали устроиться в Центр пропаганды при канцелярии премьер-министра. Намекнули, что туда внедрен нужный чело-

век, который поспособствует в приеме на работу.

Нельзя сказать, что Марк с легкостью пережил эмиграцию в Израиль. Он только с виду казался беспечным и невозмутимым, на самом деле внутри у него все сжималось от страха перед новой жизнью. С одной стороны, его влекло к шпионским приключениям и познанию другой реальности, с другой – его сердце переполнялось слезами от мысли, что он навсегда покидает Советский Союз. Станет ли Израиль его новой родиной, Марк не мог предсказать. Уже в аэропорту Шереметьево за час до вылета у молодого парня началась ностальгия и тоска по Эмилии, ведь на этот раз он с ней расставался навсегда.

Хотя справедливости ради нужно сказать, что той страстной любви к ней, какая клокотала до армии, уже не было. Сразу же после демобилизации, еще не сняв формы, Марк побежал к ней, и встреча его сильно разочаровала. Несмотря на то что в ее глазах по-прежнему читались обожание и преданность до гроба, Эмилия вчерашнему военнослужащему показалась не такой свежей и восхитительной, как благоухающие девушки, гуляющие по улицам весеннего Рамигала. У бывшей возлюбленной уже наметились едва заметные морщинки, и среди кудряшек можно было разглядеть седой волосок. «Да, постарела Эмилия», – с грустью вздохнул Марк, однако это не помешало ему тут же потащить ее в холостяцкую квартиру однокашника.

В постели Эмилия оказалось такой же огненной и страст-

ной, как до армии, однако в кульминационный момент неожиданно на фоне ее лица проявилась нежная мордашка медсестрички Алены Курнаковой. «С чего это вдруг?» – удивился сержант. В те минуты он знал, что Эмилия уже никогда не будет его женой, и их страстные встречи – это последние дни осени. «Даже хорошо, что мы уезжаем в Израиль, – думал Марк. – Меньше будет слезливых страданий перед расставанием...»

Однако, когда объявили посадку на самолет, сердце парня так прихватило, что он чуть не расплакался. Первым порывом было развернуться и рвануть прочь от регистрационного стола, выбежать из здания аэропорта, взять такси и рвануть к Эмилии. Прижать к груди хотя бы еще один раз... Прижать и больше никогда не отпускать!

Если бы не родители, Марк бы так и сделал. Однако нужно было скрывать свои истинные чувства, напускать бодрость, радость, веселость, поскольку и у родителей наблюдался упадок духа от отбытия в чужую страну.

Тоска усилилась, когда Марк выходил из самолета в израильском аэропорту. Обволакивающий зной, чужой и испепеляющий, дыхнул в лицо, и первая мысль, которая пришла в голову эмигранту, напоминала отчаяние: «Неужели до конца жизни я буду обречен жить в такой духоте?»

Однако и здесь нельзя было показать предкам своего истинного настроения, своей тревоги, своей неуверенности. Здесь же, на трапе, Крамер поклялся взять свою волю в ку-

лак, не позволять себе распускать сопли и гнать от себя эту русскую тягучую ностальгию.

Первым делом новоявленный эмигрант на исторической родине направился на курсы изучения государственного языка иврита, хотя на идише, на котором общаются европейские евреи, в Израиле говорить не возбранялось. После того как он блестяще освоил язык, его без проволочек взяли в Центр пропаганды. Новичку поручили вести разъяснительную работу с будущими гражданами Израиля, прибывшими из СССР.

С первых же дней наш молодой репатриант обаял коллег по ведомству. Марку не нужно было даже напрягаться и прилагать усилия, чтобы понравиться. Сработала его школьная привычка широко улыбаться всем без исключения, даже остро выраженным мерзавцам.

Прилетающие в Израиль евреи были растеряны и напуганы. Выражение их лиц не отличалось разнообразием – как правило, это был страх перед неизвестным. Однако после жизнерадостного общения с двадцатичетырехлетним пареньком на их лицах появлялись первые улыбки и робкое желание жить.

Однажды в помещение центра в сопровождении свиты вошла грациозная женщина лет семидесяти, при виде которой все сотрудники начали подниматься с мест и торопливо приосаниваться. Это была премьер-министр Голда Меир.

Она сразу обратила внимание на молодого красивого пар-

ня, который всего неделю назад устроился на работу, а к нему уже стояла очередь из мигрантов. Почему-то только что прилетевшие в Тель-Авив граждане хотели пройти инструктаж именно у него. Все знали, что Голда Меир испытывала слабость к молодым мужчинам и мимо такого красавца из Литвы пройти не могла.

Женщина подошла к Марку и, не сводя с него внимательных глаз, протянула свою царственную ладонь. С чувством пожав руку новенькому, высокопоставленная дама поздравила Марка с большими успехами в их скромном центре и величественно удалилась. Когда дверь за ней захлопнулась, сотрудники бросились поздравлять коллегу и уверять, что он скоро пойдет на повышение.

И точно, не прошло и недели, как Крамеру предложили должность начальника Объединения новых репатриантов, действующего под эгидой правящей партии «Авода».

Новая должность открыла Марку двери как в ЦК партии, так и в коридоры Кнессета. Он познакомился с главой идеологического отдела партии Бени Маршаком, а тот свел его с министрами Игалем Алоном и Исраэлем Галили. О такой стремительной карьере и таких высокопоставленных знакомствах любой разведчик может только мечтать. Марк действовал на волне удачи, накатившей на него.

Возможно, Крамер совершил бы блестящую карьеру израильского политика и советского разведчика, если бы не богатые кварталы Рамат-Авив Гимеля. Именно они немного

помрачили рассудок нашего друга. У Марка была довольно скромная зарплата партийного работника. Скромного по израильским меркам. А по меркам Советского Союза – самая обычная, средняя, как у всех. В СССР о большем помышлять было не принято, поскольку блеск роскоши советским людям глаз не слепил. Но в Израиле богатство не было предметом осуждения, поэтому престижные кварталы с дорогими бутиками, машинами не могли не кружить голову репатриантам.

Особенно нехватка денег у Марка ощущалась при знакомстве с женским полом. Та категория девушек, которая нравилась нашему бывшему соотечественнику, почему-то предпочитала самые дорогие рестораны и роскошные номера отелей.

Недавняя соотечественница Крамера Наталья Яковлева была исключением. С ней Марк познакомился в больнице, куда явился к отцу, устроившемуся туда инженером. Именно в больничном коридоре он столкнулся и едва не стукнулся лбом с красивой стройной врачихой, которая крепко выругалась по-русски. Марку это ругательство показалось слаще музыки, поскольку ностальгия по Советскому Союзу все-таки временами хватала его за горло.

– Приятно слышать до боли знакомую речь, – рассмеялся молодой мужчина.

Женщина рассмеялась в ответ. Оказалось, что она здесь уже более трех лет. Работает в больнице врачом-гинеколо-

гом, в Израиль приехала в качестве «мужниной» жены, который был евреем.

– Был? – подозрительно выгнул брови Марк. – А потом оказался арабом?

– Да нет! – повторно рассмеялась Наталья. – Жидяра – негде пробу ставить. Просто мы здесь развелись.

Наталья чем-то напомнила Эмилию, при воспоминании о которой сладко засосало под ложечкой. Молодой человек нежно взял врачиху под локоток и интимным полупшепотом произнес:

– Буду краток, как Моисей: что ты делаешь сегодня вечером?

– А есть какие-то предложения? – рассмеялась женщина.

Вечером в дорогом ресторане молодой парень, чтобы произвести впечатление на новую знакомую, спустил всю имеющуюся наличность. Накоплений у Марка не было, поэтому все, что он имел в виде местных купюр, носил в кармане. До зарплаты еще было далеко, а за душой уже не осталось ни шекеля. По этой причине красивый молодой мужчина не мог встречаться с Натальей каждый день. Но, как назло, с каждым днем она нравилась ему все больше. Марк все чаще задумывался: а не заняться ли ему бизнесом? Только каким?

Как ни удивительно, но в этом вопросе помог связной. Он встретился с Марком в Тель-Авиве в отеле «Дан» под видом бизнесмена из Будапешта. «Сиеста-Лобби Кафе» было оговорено как место для встреч. Именно здесь часто пересека-

лись международные магнаты при обсуждении многомиллионных сделок. Марк обязан был бывать там раз в неделю по пятницам и заказывать зеленый чай.

В одно из таких чаепитий к нему подсел бизнесмен из Восточной Европы. Одного взгляда молодому человеку хватило, чтобы определить, что этот товарищ такой же предприниматель, как он идейный вдохновитель правящей партии «Авода».

– Центр интересуют сведения о личной жизни некоторых израильских политиков, причем информация должна быть такой, которую потом можно будет использовать для шантажа, – сразу начал связной, попросивший называть его Венгром. – Список в обертке вот этой карамельки. Положите ее себе в карман!

– Но я еще не настолько знаком с израильскими политиками, чтобы расспрашивать их о личной жизни, – попытался состроить Марк.

– Придумайте что-нибудь! – жестко перебил Венгр. – Организуйте какие-нибудь патриотические мероприятия с фуршетом, алкоголем и девушками, куда бы они явились все.

На раздумья времени не было. Марк тут же озвучил первую попавшуюся мысль.

– А если создать концертное агентство! – сузил глаза он. – Это агентство будет организовывать гастроли российских артистов в Израиле, как популярных, так и малоизвестных, но

очень талантливых. Например, устроит концерт молодой певицы Аллы Пугачевой или, скажем, Владимира Высоцкого. На Высоцкого точно придут все министры! И сбежится пол-Израиля.

Собеседник, поморщившись от имени неизвестной певицы Аллы Пугачевой, при упоминании о Высоцком задумался. После чего отхлебнул из своей чашки и одобрительно кивнул головой:

– Неплохая идея. Я посоветуюсь с товарищами. Трудность в том, что между Израилем и Россией нет отношений.

– А я буду привозить их в Израиль нелегально, – подмигнул связному Марк. – Скажем, выехали они на гастроли в Болгарию или в Польшу, а я их после концерта на самолет – и сюда. А на второй день обратно.

– Любопытно, – произнес собеседник, не разжимая губ. – В случае одобрения мы вам поможем.

11

Одобрение на гастроли советских артистов в Израиль было получено, и Крамер энергично взялся за дело. Создав концертное агентство, новоявленный продюсер начал искать контакты с артистами. В начале семидесятых в Израиль из Союза эмигрировало много певцов, артистов и художников, которые на новой родине оказались не у дел. Организовывая их концерты и выставки, Марк через них налаживал связи со

звездами российской эстрады. Приезд Льва Лещенко и Евгения Винокура в Израиль, организованный молодым мигрантом, вызвал в стране фурор. Организатор видел, как евреи, еще совсем недавно покинувшие страну Советов, счастливо плакали от песен и юморесок на русском языке.

Больших денег устройство концертов в Тель-Авиве не приносило. Но известные политики и высокопоставленные чиновники концерты советских артистов не пропускали – здесь Марк не ошибся. Разумеется, во время концертов Крамер старался попасться на глаза каждому высокопоставленному чиновнику, выслушать их слова благодарности и каждому пожать руку. Параллельно он замечал, что некоторые интересующие Москву чины были не со своими женами. Все это цепко фиксировалось в сознании молодого продюсера, а потом в виде отчетов улетало на Лубянку.

В личном отношении у Марка также складывалось все прекрасно. Роман с Натальей перерос в большую любовь. Мама с папой этот выбор одобряли, хотя их и смущало, что избранница сына на семь лет его старше. Но возможно, это к лучшему – быстрее возьмется за ум.

Родители все чаще заводили разговор о женитьбе – им хотелось внуков. Марк и сам был не против узаконить отношения с Натальей, но как-то все не обламывалось приличных гонораров. Судьба бедных молодоженов, которым и в шалаше рай, Марка не привлекала.

Тут опять на выручку пришел связной. Он привез приказ

из Москвы – немедленно вылететь во Францию, где сейчас без дела мается актер Театра на Таганке Владимир Высоцкий. Ему требовалось срочно организовать гастроли по Америке.

– Полетите вместе с ним в США в качестве антрепренера и наладите в Нью-Йорке контакт с двумя спящими агентами, – приказал Венгр. – Заодно и денег рубанете! Учтите, это очень ответственное задание.

Марк не поверил своему счастью. Гастролировать с самим Владимиром Семеновичем? Это фантастика!

Перед встречей с Высоцким Крамер дико волновался. Он знал, что у таганской знаменитости характер не подарок. Упрется, обложит матом – и плакало ответственное задание. Но когда начинающий продюсер встретился с Высоцким в Париже, ему показалось, что они знакомы всю жизнь. Ну просто родной человек!

Те гастроли с Высоцким по США по сей день для Марка – самое светлое пятно в жизни. Ни один концерт великого барда не пропустил исполнитель ответственного задания. Не пропустил ни единого застолья, ни единой вечеринки, на которых все напивались.

Пришлось проявить изобретательность, чтобы встретиться с обоими агентами в Нью-Йорке и передать им задание из Москвы. Встречу в обоих случаях Крамер организовал на пьяных посиделках советского барда.

Наш бескорыстный друг впервые в жизни подумал, что

существуют такие люди, на которых зарабатывать грешно. И первый из таких, конечно же, Высоцкий.

По возвращении в Париж, Марк подарил артисту «мерседес», которому Володя обрадовался, как мальчишка. Четырехдверный седан, перегнанный в СССР, стал первой иномаркой Высоцкого, официально зарегистрированной на его имя, до этого все машины бард оформлял на жену Марину Влади.

По окончании гастролей завершился и период неиссякаемой везучести Крамера. По всей видимости, волна удачи поползла обратно. Когда молодой, но перспективный продюсер возвратился в Тель-Авив, настроение было не очень радужным. Восторженность от общения с величайшим бардом, конечно, грела душу, но на носу было свадебное торжество, а денег как не было, так и нет.

Что делать? Пришлось ограничиться скромным застольем и на неопределенный срок отложить свадебное путешествие. Затем Крамер позорно жил на зарплату жены, потому что его неожиданно лишили поста главы Объединения репатриантов. И за что? За организацию гастролей советских артистов, на концертах которых евреи ревели не по-детски самым бесстыдным образом, да еще малодушно ностальгировали по Советскому Союзу.

– Но ведь концерты вполне вписываются в нашу деятельность! – воскликнул потрясенный Марк, услышав решение партии.

– Нам не надо, чтобы евреи видели, как на концерты приходят министры со своими любовницами, – был ответ.

Как назло, с организацией концертов в то несчастное время разладилось. Советских артистов в стране стали почему-то преследовать за концерты в Израиле. Вдобавок еще художники подняли бунт, заявив, что продюсерский центр Крамера жирует на их выставках, а им платит жалкие гроши.

– У меня на аренду помещения уходит больше, чем за билеты на выставку, – пытался вразумить художников Марк.

Куда там! Живописцы никогда не отличались особой ясностью ума. Вдобавок связной явился на встречу в «Сиеста-Лобби Кафе» мрачнее тучи и заявил, что в Москве очень разочарованы тем, что агент в одночасье растерял все нарботки, на которые ушло четыре года.

– Что я мог поделать? – потупился Марк. – Так получилось независимо от меня...

«Да, поделать тут нечего, – рассуждал потом Крамер. – Ну откатила удача! С кем не бывает? И не надо зря портить нервы – вроде зебры жизнь, вроде зебры. Надо просто набраться терпения и подождать, когда волна накатит снова».

И действительно, как только Марк перестал нервничать, суесться и пытаться изменить ситуацию, удача начала возвращаться.

Однажды Наталья пришла с работы и предложила своему безработному мужу попробовать себя в косметическом бизнесе. Как известно, в Израиле переизбыток косметики из

минералов Мертвого моря, а в стране Советов – дефицит.

– Попробуем, – согласился Марк без особого энтузиазма. – Весь вопрос в том, как наладить поставку в Советский Союз?

Поставить партию омолаживающих кремов в СССР не удалось, но в Болгарию, Венгрию и Румынию получилось. Неожиданно натуральной косметикой – продукцией их семейной фирмы заинтересовались в Восточной Германии, а следом и в Западной. Затем – во Франции и в Италии.

Деньги полились рекой. Меньше чем за год семья Крамер превратилась из бедных клерков в состоятельных бизнесменов, а продукция их фирмы – в популярный бренд. Муж и жена переехали в роскошную виллу, находящуюся в престижном тель-авивском квартале Офека. Все это произошло как нельзя вовремя, поскольку супруга была на сносях. Через некоторое время в семье Крамер родилась девочка, которую назвали Лилит. Сбылась мечта родителей Марка: наконец у них появилась внучка!

А Марк только с рождением дочери ощутил, что такое настоящее счастье.

12

– Настоящее счастье, когда ощущаешь дыхание вечности, – с улыбкой произнес учитель Дебдан, стоя по щиколотки в воде. – Только не всем дано это чувствовать.

За его спиной садилось солнце. Перед ним на берегу стояли его ученики и с серьезным видом наблюдали, как накатывают океанские волны. Марк подумал, что, если бы в каком-нибудь другом месте двенадцать человек одновременно с серьезными лицами следили за движением воды, их бы сочли сумасшедшими.

– Не всем дано ощущать дыхание вечности, – повторил учитель, – но все могут зрительно представить, как влияют космические волны на течение нашей жизни. Вглядитесь внимательнее, как накатывают на песок волны. Волна что-то приносит, что-то уносит, но главное – каждый ее прыжок изменяет песочную структуру берега. Так и космические волны с каждым своим наплывом изменяют нас и материю этого мира. Каждую минуту мы меняемся, и меняется окружающее нас пространство. А мы по невежеству думаем, что мир неизменен.

«Изменчив! Еще как изменчив! – воскликнул про себя Марк. – Еще вчера я не знал, как серо и скучно жил без дочери, а сегодня удивляюсь – неужели ее когда-то не существовало? Такое ощущение, что Лилит была всегда».

В маленькой дочери Марк души не чаял. За счастливой семейной жизнью Крамер стал все чаще пропускать свои чаепития в гостинце «Дан». Однако через год после рождения Лилит ему об этом напомнили.

Однажды, когда Марк возвращался домой, в свою скромную виллу в престижном районе, в свое райское семейное

гнездышко, где обитала его дочка и любимая жена, ему навстречу попался человек, который, проследовав мимо, сильно задел его плечом. Только что вышедший из автомобиля отец семейства с недоумением оглянулся, хотел крикнуть что-то возмутительное, но вдруг узнал в этом человеке Венгра. Крамер сообразил, что завтра связной будет ждать его в «Сиеста-Лобби Кафе».

Намек на улице был понят правильно. На другой день разговор за чаем был предельно коротким и конкретным.

– У вас есть шанс быстро восстановить свои позиции во властных структурах, – произнес будапештский бизнесмен, поднеся к губам дымящуюся чашку. – На днях из Франции в Израиль эмигрировал предприниматель Шмуэль Флатто-Шарон. Уточняя, что он особо известен французской полиции. Говоря попросту, он бежал из Парижа после своей очередной финансовой аферы. Вчера от французских властей израильским службам поступил запрос на его экстрадицию. Если Израиль удовлетворит его, нашего клиента ждет суд и долгие годы тюрьмы.

– Невесело, – улыбнулся Крамер.

– Не то слово! Так что ваша задача – расположить его к себе и уговорить, чтобы он принял участие в выборах в парламент.

– В парламент? – с удивлением переспросил Марк. – Но он же преступник!

– Для Франции – преступник. Для Израила – пока нет. Он

живет в страхе, что историческая родина выдаст его дикой Франции. Поэтому ваше предложение он примет с радостью. Для него стать депутатом и получить парламентскую неприкосновенность – единственный шанс обрести покой.

– Я должен возглавить его избирательный штаб? – догадался Марк.

– Быстро соображаете! И не просто возглавить, но и с блеском выиграть выборы. В случае победы вы станете его официальным помощником.

– Умереть не встать! – присвистнул наш герой. – А если нам не удастся выиграть выборы?

– Это исключено, – сурово отрезал связной. – Вы должны сделать все возможное и невозможное, чтобы он оказался в парламенте.

Втереться в доверие к Флатто-Шарону оказалось гораздо проще, чем ожидал проснувшийся агент. Через некоторое время Марк сделался его лучшим другом, без которого тот не мог обходиться. Возглавив штаб, Крамер настолько толково провел предвыборную кампанию, как будто занимался этим всю жизнь. А между тем это был его первый опыт в данном направлении. Тем не менее энергичность и профессионализм молодого человека оценили даже конкуренты. Выборы непотопляемый Шмуэль выиграл блестяще, тем более что денег на избирательную гонку он не пожалел. Сомнительный финансист стал депутатом, а Марк, как и рассчитывали на Лубянке, – его помощником. Это событие шумно отмечали

в Москве, предвкушая, что теперь для Крамера в Израиле наступят золотые времена.

Действительно, перед Марком как перед разведчиком открылись такие возможности, что он напрочь забыл о своей косметической фирме. Как человек увлекающийся, агент отсылал в Москву донесение за донесением, и надо отметить, что донести ему было что. Ведь он как официальный помощник депутата стал ежедневно бывать в Кнессете. Именно там обаятельному работнику парламента политики разных мастей в непринужденной беседе выбалтывали политический инсайд и даже государственные секреты. Более того, теперь он имел прямой доступ к парламентским документам, что значительно расширяло диапазон его деятельности в качестве лазутчика.

За короткое время на Лубянку была передана практически вся информация о деятельности Бюро по связям с евреями СССР и Восточной Европы «Натив». Как известно, в тот период ввиду отсутствия дипотношений между Советским Союзом и Израилем эта хитроумная организация действовала через еврейских туристов, прибывавших в страну Советов из-за океана и Европы. Они-то в основном и подогревали протесты отказников, снабжая их религиозной и сионистской литературой. Ряд уличных митингов отказников, прокатившихся по стране, – результат их непосредственной работы.

Благодаря Крамеру комитетчики получили полную ин-

формацию о работе «Натива». КГБ совершенно безошибочно пресекал деятельность их эмиссаров, кого-то не пуская, а кого-то безапелляционно вышвыривая из страны.

Однако не только разведывательной деятельностью занимался Марк в тот период. Он активно учился у знаменитого афериста и гения подпольного бизнеса, как правильно вести дела в обход законодательства, но так, чтобы ни одна международная налоговая система не заподозрила подвоха. Именно Флатто-Шарон научил Марка извлекать прибыль из всего, что движется, не движется, закопано в землю, утоплено, напроць забыто людьми или растворено в воздухе в виде бактерий.

– Из товарного оборота прибыль извлечет любой, – любил повторять мудрый Шмуэль. – Ты попробуй сколотить состояние на политической ситуации или сорвать банк на сложившихся обстоятельствах.

– На сложившихся обстоятельствах? – прикидывался непонятливым помощник. – Это как?

– Долго объяснять, – лениво отмахивался депутат. – Потом как-нибудь объясню.

Впрочем, такие обстоятельства вскоре возникли. Однажды Марк стал свидетелем сделки по отправке в Польшу большой партии лекарств. Со стороны Израиля документ подписал любимый шеф, а со стороны Польши – заместитель министра по торговле. Израильский депутат настаивал на предоплате и за это обещал крупную скидку. Когда пред-

оплата пришла, Марк поинтересовался, начать ли готовить отправку.

– Не стоит, – равнодушно пожал плечами депутат. – Деньги уже получены.

Крамер вытаращил глаза:

– Но у нас обязательство перед государственным закупщиком!

– Какой, к черту, государственный закупщик? – рассмеялся Шмуэль. – Этот «пшек» – рвач, прохвост и спекулянт! Партию препаратов он брал для себя, чтобы потом втридорога перепродать в Советский Союз таким же прохвостам, как он. Так что ему мы ничего отгружать не будем, чтобы не поддерживать спекулянтов и их настроения!

– Но вы же подписали с ним контракт! – изумился Марк. – На документе ваша подпись. Он может подать в международный суд.

Депутат смерил помощника презрительным взглядом и нравоучительно изрек:

– Запомни, юноша, в Польше запрещено госслужащим заниматься коммерцией. За это можно угодить за решетку.

Поэтому в суд он вряд ли подаст и наш договор вряд ли кому покажет. Так что, Марк, если поляк будет звонить, со мной не соединяй. Отвечай, что я занят.

Марк был прилежным учеником. Ситуация для мгновенного сколачивания состояния тоже вскоре создалась. Это было весьма вовремя. Косметическая фирма, которой занимался Крамер, практически перестала приносить доход. Ею нужно было заниматься, а у Марка не было на это времени. Да еще интерес к косметике пропал. Крамер чувствовал, что грядет что-то более масштабное и более доходное. А перепродажа омолаживающих средств (которые, между нами говоря, омолаживали не более, чем сапожный крем) – мелочовка. Марк предчувствовал, что вот-вот должна накатить новая волна, которая поднимет его на более высокий уровень. И он не ошибся.

В апреле 1978 года Флатто-Шарон был посредником в обмене израильского летчика Мирона Маркуса, сидевшего в мозамбикской тюрьме, на советского разведчика Роберта Томпсона, который отбывал наказание в США. Американцы за Роберта Томпсона требовали еще и освобождения своего студента Алана Ван Норманна, угодившего по своей дурачости в восточногерманскую тюрьму. Обменом со стороны коммунистического Мозамбика руководил Советский Союз. Со стороны американцев переговоры вел сенатор Бенджамен Гильман.

Крамер участвовал в этом процессе в качестве помощни-

ка израильского парламентария. Вся техническая работа была возложена на него. Без малейших затруднений Марк познакомился с американским конгрессменом, которому понравился веселый и обаятельный молодой человек от израильской стороны. После завершения обмена они с Марком бурно отпраздновали это событие, проведя веселую ночь с морем спиртного в закрытом ночном клубе, где на сцене резвились полуголые девицы.

Именно в том ночном клубе хорошо поддавший сенатор раскрыл своему новому другу все тайны о только что возникшем в ЮАР государстве Бопутатсвана.

– Это я подсказал недоумку Нельсону, президенту Южной Африки, создать независимое государство, в котором якобы будет жить все черное население страны, – пьяно стукнул по столу Гильман. – А это значит, что с апартеидом будет покончено раз и навсегда. Эх, Мандела, Мандела, какой же ты дурак! Вот он у меня где! – сжал кулак конгрессмен и грустно вздохнул. – Никто не купится на этот хитрый трюк. Ни одна страна не признает независимость Бопутатсвана. Ну какая независимость, если государство существует на деньги ЮАР? Это типичная марионетка, а не государство! Тут с признанием даже я не смогу посодействовать.

Сенатор снова тяжело вздохнул и задумался, уставившись на свой бокал. Марк поначалу принял бормотание американца за пьяную болтовню, но потом насторожился. В это время он не сводил глаз с юной мулатки, извивающейся на сце-

не, словно змея. Ее волнующие изгибы не могли не привлечь внимание молодого парня, однако он все больше прислушивался к болтовне своего высокопоставленного собутыльника. Интуиция подсказывала, что это не просто типичная американская хлестаковщина – из этого можно извлечь выгоду. Парламентар хлебнул виски и встрепенулся.

– Президент Бопутатсваны Лукас Маньяне Мангопе – мой друг! Он вождь племени цоана. Отличный парень! Хотя тоже дурак! Только что слез вместе с автоматом с пальмы... Эх, Марк! Хороший ты парень... Хочешь, я тебя сделаю почетным консулом Бопутатсваны в Израиле?

– Хочу! – машинально ответил Крамер, еще не понимая, в чем выгода этого предложения, но уже «двадцать первым» нюхом уловивший, что это пахнет большими деньгами.

Сенатор пьяно обнял парня одной рукой и щедро хлебнул из стакана. В это время танцовщица закончила выступление и с улыбкой раскланивалась перед публикой. «Эх, сейчас перехватят», – с тоской подумал Марк и покосился на собутыльника. Тот пьяно тряс головой и, запинаясь, бормотал:

– Решено! Я скажу Лукасу, чтобы он приехал в Израиль и назначил тебя почетным консулом...

Мулатка сошла со сцены и направилась к столику, за которым сидели подвыпившие товарищи из Союза. Они через официанта пригласили мулатку к себе. Крамер с досадой подумал, что не один он понимает в красоте, и теперь девушка уплывает к бывшим соотечественникам. Впрочем, была еще

надежда, что у них нет достаточно денег, чтобы пригласить ее в номера. Но эта надежда не оправдалась. Один из компании русских с подчеркнуто военной выправкой вскоре увел красавицу к себе.

Крамер с досадой вздохнул и покосился на конгрессмена, который уже не помнил, что плел минуту назад. Его потная рука переключалась на талию какой-то рослой девицы в перьях вместо купальника. Незадавшийся донжуан на безрыбье решил снять веселую негритянку из кордебалета.

Только на другое утро, проснувшись с тяжелой головой и несвежим дыханием, Марк сообразил, какие перспективы откроются перед ним на посту почетного консула непризнанного государства Бопутатсвана. «Это же золотое дно! – воскликнул про себя Марк. – Лишь бы Гильман не оказался ба-лаболом».

Американский сенатор сдержал свое обещание. Даже удивительно, как он о нем вспомнил на следующий день, проснувшись в кровати с двумя подругами?

Вождь племени цоана вскоре действительно прибыл в Израиль. Он без лишних церемоний и проволочек назначил Марка Крамера почетным консулом. Это было что-то невероятное! Больше всех удивился Шмуэль.

– Зачем тебе Бопутатсвана? – спросил он. – Думаешь, там алмазы? Нет там ни черта, кроме крокодилов!

Обаять и влезть в душу вождю цоана помощнику депутата израильского парламента не составило великого труда. Он

тут же убедил африканца, что признание страны – дело времени. Нужно только показать всему миру, что государство развивается, обновляется, возвеличивается и имеет серьезные намерения стать современным представителем нынешней цивилизации.

– Самый короткий путь к признанию – сделать страну привлекательной для туристов, – распаялся перед высоким гостем новоявленный консул. – Если повалят туристы со всего мира – это уже почти признание! А если в столице проводить международные спортивные соревнования – официальное признание гарантировано. Разумеется, для этого нужно развернуть строительство гостиниц, современных офисных центров, построить стадион, возвести, наконец, президентский дворец, который станет архитектурной жемужиной страны.

Мысль о жемчужине привела вождя племени в восторг. Не откладывая в долгий ящик, Марк немедленно предложил себя в качестве бизнес-партнера и также немедленно получил согласие.

«Вот она, настоящая удача, – почувствовал в ту минуту скромный служащий парламента. – А все удачи, которые были до этого, – детский лепет».

стях рубить немереные деньги, какие открылись перед ним, было нескромно даже мечтать. Самое невероятное, что Марк действительно планировал сделать все возможное, чтобы мир признал Бопутатсвану независимым государством. Это уже потом шальные деньги напрочь вытеснили это намерение из сердца, которое медленно, но верно превращалось в сухарь.

Марк сколотил целую группу. Вместе с ним в сказочную страну отправились известные архитекторы, футбольные тренеры, строительные подрядчики и изворотливые юристы. В нереально короткие сроки эта команда развернула в непризнанном государстве строительство президентского дворца, современного стадиона, гостиничных комплексов и жилых многоэтажных домов. Кроме этого в столице разбивались парки и скверы, строились дороги, открывались экзотические рестораны и причудливые кафе. И туристы действительно повалили.

Разумеется, все финансы на строительство проходили через руки Марка. Чернокожий президент Мангопе полностью доверял своему лучшему другу, почетному консулу, который не покладая рук преобразовывал его страну в цивилизованное государство, и денег, естественно, не жалел. Тем более что текли они нескончаемым потоком из богатой казны Африканской республики. Не запустить руку в этот бурный золотой поток было решительно не по-еврейски. Власти непризнанного государства закрывали глаза на то, что день-

ги как-то быстро заканчивались, и беспрекословно выделяли на строительство новые ассигнования.

Марк оказался способным учеником Флатто-Шарона, который сидел в это время в парламенте и кусал локти, проклиная себя за то, что в тот роковой вечер он отправился в свой номер спать, а не остался бухать с американским конгрессменом в закрытом ночном клубе. Сейчас бы казну Бопутатсвана с упоением опустошал он, а не его бывший помощник.

Справедливости ради нужно сказать, что наш энергичный друг не только развернул большое строительство (не забывая прибирать к рукам часть строительных расходов), но и налажил экспорт сельскохозяйственной продукции в Советский Союз, а также в страны Восточного блока. Причем поставки совершались бартерным методом, поскольку с валютой в Союзе было туго. Здесь опять посодествовали товарищи с Лубянки.

Единственное, чего они не одобрили, это поставки изделий из крокодиловой кожи. Южная Африка, как известно, по сегодняшний день славится своим несметным кишением крокодилов в водоемах. Марк хорошо запомнил слова своего учителя, прозябающего в израильском парламенте, что выгоду нужно извлекать из всего, даже из того, что ползает в ужасающем виде. Ужасающий вид зубастых тварей на просторах непризнанной страны и подвигнул прилежного ученика на новую авантюру – ввести в Европе моду на крокодиловую кожу.

Каждый день, просыпаясь, Марк задавал себе один и тот же вопрос: а не снится ли ему все это? А с ним ли все это происходит?

Он вставал, подходил к зеркалу, всматривался в свои глаза и произносил вслух:

– Кто я такой? Простой советский парнишка из зачуханного литовского городка Рамигала, а теперь владею миллионами, распоряжаюсь государственными деньгами, сотнями тысяч людей, могу позволить себе что угодно – автомобили, яхты, самолеты, могу заказать вино из любой точки планеты, любую женщину из какой угодно страны, даже известных актрис из кино... Софи Лорен, например.

На этих словах Марк запинаясь и угрюмо задумывался: а действительно ли он может заказать себе Софи Лорен? Если для украшения какой-нибудь вечеринки, то, пожалуй, да. А если для постели...

– Черт! – хлопал себя по лбу Марк. – Да сдалась она мне в постели! И без нее юных красавиц хватает!

Через некоторое время из государства, которого не было на карте, потекли на европейский континент непрерывным потоком крокодиловые сумочки, портфели, обувь и даже пиджаки. А Бопутатсвана начала разрастаться крокодиловыми фермами.

На крокодиловых слезах удалось рубануть еще несколько миллионов. Но это было мелочовкой. По большому счету, средств, которые он присваивал из строительного бюджета,

вполне хватало на безбедную жизнь. Но просто запускать руку было как-то скучновато и банально. Отсюда и возникла идея поставки в Европу крокодиловой кожи. Больших денег эта затея не принесла, но ее можно было считать предтечей для более крупного проекта. Марк давно обдумывал идею алмазного бизнеса и намеревался купить несколько месторождений в ЮАР. Для этого нужны были большие деньги, но стеснений в средствах Крамер уже не испытывал.

Однако правильно говорится, что если везет, то уже во всем. Прет, так прет. Сложилось так, что алмазные копи он заполучил вообще без всяких затрат. Правда, не в ЮАР, а в Сьерра-Леоне.

Ровно через год Бопутатсвана стала тесна нашему энергичному дельцу. Разгуляться на полную катушку не давали скромные размеры государства. И вот однажды Марк Крамер по воле судьбы оказался в одном самолете с высокопоставленной дамой. Это было не иначе перстом судьбы.

Она оказалась ни много ни мало супругой главнокомандующего армией Сьерра-Леоне Джозефа Момо. По счастью, кресел в бизнес-классе пассажирского лайнера не так уж и много. Их места оказались почти рядом. Как было не воспользоваться такой возможностью! Мысль озарила Марка мгновенно. Все-таки Крамер был гениальным учеником Флатто-Шарона.

Обаять замужнюю женщину не составило большого труда, тем более что у Марка при общении с женщинами всегда был

полный ажур. Удачливый бизнесмен пригласил скучающую даму в Израиль и взял с нее обещание, что она познакомит его с мужем.

Когда менее чем через месяц в Тель-Авиве состоялась неофициальная встреча нашего обнаглевшего персонажа с главнокомандующим армии Сьерра-Леоне, Марк с жаром принялся убеждать его баллотироваться в президенты. При этом слезно поклялся, что лично проведет его избирательную кампанию, как провел ее с Флатто-Шароном.

Избирательный опыт по раскрутке кандидата у Марка имелся, это правда. И главнокомандующий принял это во внимание. Он трезво оценил свои возможности и удачливость нового знакомого. Военачальник думал недолго. Решил рискнуть, и расчет оказался верным: он действительно победил на выборах с легкой руки почетного консула Бопутатсваны. Благодарность нового президента не знала границ.

Первое, что сделал он на радостях, аннулировал право на добычу алмазов у ливанских бизнесменов и отдал это право лучшему другу – международному бизнесмену Марку Крамеру.

Таким образом, получив лицензию на добычу алмазов в Сьерра-Леоне, Марк создал предприятие, которое назвал в честь своей дочери Лилит. С того дня началась совсем другая страница истории в бурной деятельности Крамера.

Если до этого волны удачи накатывали с предсказуемой периодичностью, то после этого они поперли валом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.